

ИМПЕРИЯ В ЗОЛОТОМ УГАРЕ

Настоящий подъем грюндеры пережили в «золотые» 70-е годы. Как когда-то золотоискатели Калифорнии, так и прежде столь трезвые бюргеры Пруссии и других германских государств после блистательной победы Бисмарка над французами испытали истинное упоение. Немецкая золотая лихорадка была порождена теми громадными денежными суммами; которые когда-либо получала страна от поверженного противника.

После того как 28 января 1871 г. Париж окончательно капитулировал, Бисмарк направил из Берлина в Версальский дворец на переговоры с главой французского правительства Адольфом Тьером двух самых ловких немецких денежных тузов: Герсона Бляйхредера, банкира, представляющего его интересы, и верхнесилезского магната Гвидо Хенкеля фон Доннесмарка. Посредники-миллионеры, в то время наряду с Альфредом Крупном самые богатые люди Германии, в конечном счете установили размеры французских репарационных платежей на уровне 5 млрд. золотых франков. Эта сумма, реальную значимость которой трудно себе представить, должна была бы почти удвоить национальный доход Пруссии. Выплачивать их надлежало наличными, т.е. золотом, причем в течение трех лет.

Золотая лавина, которая «покатилась» с запада в запломбированных и хорошо охранявшихся поездах особого назначения, не только переполнила сейфы берлинских банков, но и оказалась чрезмерной для силы воображения прусской финансовой бюрократии. Столь же бесхитростно, как в наши дни распорядители денежных средств у арабских нефтяных шейхов, чиновники излишне торопливо и неумело пускали французское золото в денежный оборот нации. Вместо того чтобы финансировать долгосрочные проекты, например железнодорожное или жилищное строительство, они, как ис-

Герсон Бляйхредер

тинные немцы, из свалившегося на их голову богатства сначала принялись оплачивать свои долги. Последствия оказались роковыми: капиталы, которые немецкие бюргеры вложили в государственные или военные займы, неожиданно высвободились и наводнили биржевые залы.

Крупные и мелкие капиталисты тогдашней Германии пребывали в прекрасном настроении. Война выиграна, экономика процветает, дела на бирже идут бойко с того момента, как 27 июня 1870 г. прусское правительство опубликовало новый закон об акционерных обществах. Если раньше для учреждения акционерного общества требовалось получение государственной лицензии, то отныне любое лицо могло продавать на бирже

Граф Гвидо Хенкель фон Доннесмарк, (1870 г.)

акции своего предприятия. Более того, управляющие предприятием теперь могли распоряжаться по своему усмотрению, не опасаясь официального надзора. Многие немецкие управляющие широко пользовались предоставленной им свободой.

Мания величия немцев

Впервые с пугающей четкостью проявилась теперь, едва только была образована Германская империя, роковая мания величия немцев. В избытке чувств, вызванных победой над Францией, немцы уверовали в то, что они навсегда завладели удачей. Каждый хотел получить долю в новом богатстве, блеск французских миллиардов ослепили помещиков и пенсионеров, банкиров и прислугу, высшее общество и бедняков. Спекуляция превратилась в излюбленное занятие общества тех дней, а биржевой бюллетень стал настольной книгой буржуазии.

Домашняя прислуга изымала сбережения на черный день и с воодушевлением относилась к ним в кассовые окошечки ближайшего банка, алчно желая приобрести какую-нибудь акцию. В кафе небольших городков за столами завсегдатаев местная знать обсуждала уже не планы сражений графа Мольтке, а дела железнодорожных компаний. Даже богатейшие из богатых не гнушались тем, чтобы

тут или там урвать «шаловой талер». Князь фон Гогенлоэ-Эринген, один из крупнейших землевладельцев Германии, вкладывал миллионы в создание сомнительных фирм, и даже самому канцлеру князю Отто фон Бисмарку приходилось терпеть упреки в том, что, управляя государством, он чересчур много уделял внимания своей личной шкапулке.

Близкий родственник его жены Иоганны, урожденной фон Путткамер, открыто заявлял, что рейхсканцлер изменил закон только для того, чтобы Иоганна смогла наследовать состояние Путткамеров. А банкир Герсон Бляйхредер, который уже с середины 60-х годов управлял личным состоянием князя, подозрительно часто был чересчур хорошо осведомлен о предстоящих решениях правительства, которые приносили ему и его видному клиенту изрядные доходы.

Сказочные прибыли от спекуляций

Да и кто согласился бы стоять в стороне, когда газеты каждый день писали о том, насколько легко разбогатеть на бирже. При наличии у населения подобной страсти приобретательства банкиры и биржевики ощущали постоянную потребность выпускать все новые и новые акции. Начала распространяться лихорадка грюндерства.

То, что учреждалось теперь в эпоху легких денег, по сути дела, уже не заслуживало, чтобы именно так называться. Ведь под «учреждением» понималось уже не зарождение совершенно нового предприятия, а простая трансформация семейного предприятия в акционерное общество. Там, где уже дымилась заводская труба, немедленно появлялось несколько «грюндеров», которые предлагали озадаченному владельцу заманчивые планы.

«Образцы для вязания» подобного рода учредительств оставались неизменными: учредительный комитет покупал магазин у прежнего владельца по вздутым ценам, дополнительно предоставлял солидную сумму комиссионных и на различного рода издержки, а затем выпускал такое количество акций, что акционерный капитал нередко в два или три раза превышал реальную стоимость предприятия.

Чтобы публика почувствовала интерес к таким липовым ценным бумагам, котирующимся на бирже, ее заманивали проспектами, опечатанными на роскошной бумаге, и сенсационными газетными сообщениями, ведь продажные издатели и журналисты появлялись задолго до изобретения системы строительного подряда.

Широкая публика нарасхват раскупала акции «вновь основанного» предприятия, в действительности же всего-навсего изменившего свою правовую форму. Слухи о сказочных прибылях на спекуляциях облетели всю Германию. И все новые и новые акционеры жаждали урвать как можно больший кусок от золотого тельца, которого, казалось, каждый день вновь забивали в биржевых залах.

Каждый день новая акция

Приток новых акций был необъятен и бесконечен. Если в 1790...1870 гг. к биржевым сделкам в королевстве Пруссия было допущено всего около 300 акционерных обществ, то только в 1871...1872 гг. там возникло уже более 780 прусских акционерных обществ. В течение этих двух лет в берлинском биржевом бюллетене практически каждый день появлялась новая акция.

Берлин, бесспорно, был центром грюндерского бума, хотя его биржа находилась в тени своих венских конкурентов. В столице императорско-королевской монархии в 1870 г. уже насчитывалось 20 частных акционерных банков. В Берлине же существовал один-единственный банк, «Кассенферайн», акционерный капитал которого составлял 1 млн. талеров. В сравнении с «Винер кредитанштальт», капитал которого превышал 40 млн. талеров, он выглядел довольно жалко. Но Берлин быстро наверстывал упущенное, и в конце 1872 г. в несравненно большей по своим размерам дунайской монархии не было и половины того количества акционерных обществ, которое существовало в Пруссии.

Учреждалось все, чем можно было торговать на бирже: банки и страховые компании, конки и фирмы по эксплуатации минеральных источников, машиностроительные фабрики и ботанические сады, пивоваренные заводы и отели, железные дороги и клееварни. Большинство из этих вновь созданных обществ исчезали со страниц биржевого бюл-

летения столь быстро, как и появлялись. Но некоторым, несмотря на врожденные пороки, удавалось добиться благосостояния и снискать уважение.

Наиболее известным предприятием того времени является «Дойче банк». Он получил концессию 10 марта 1870 г. за несколько недель до того, как вступил в силу новый закон об акционерных компаниях. Был создан институт шести частных банкиров. Движущей силой последнего были берлинец Адальберт Дельбрюк и ставший впоследствии депутатом рейхстага Людвиг Бамбергер, которым тяжело было наблюдать, как иностранные банки извлекали все больше и больше прибыли при финансировании экспортных сделок немецких фирм. Поначалу предполагалось, что «Дойче банк» станет институтом, финансирующим исключительно экспортные операции. Тем, что «Дойче банк» стал чем-то большим, он обязан своему первому генеральному директору Георгу Сименсу.

К менее значительным операциям такого рода относится создание химико-фармацевтической фирмы «Шеринг АГ», пивоваренного завода «Шультхайс-брауэрай АГ» и машиностроительных предприятий Эгелльса и Велерта в Берлине. Крупнейший и известнейший предприниматель прусской столицы «паровозный король» Альберт Борзиг упорно не желал бросать созданную отцом фирму на съедение финансовым и биржевым акулам, хотя ему и сулили за это баснословные суммы — более 12 млн. талеров.

Разоряются многочисленные семьи

Безумный биржевой бум, закончившийся крахом «Винер кредитанштальт» в мае 1873 г., а позднее положивший начало самому продолжительному и тяжелому экономическому кризису века, привел к небывалому до сих пор перераспределению народного богатства. Когда началось резкое падение биржевых курсов, сотни тысяч немцев потеряли свои сбережения. Многочисленные семьи были разорены настолько, что потребовалось несколько поколений, чтобы оправиться от всего пережитого. В Берлине резко увеличилось число самоубийств, многие спекулянты, мечтавшие о вечном богатстве, остались без крыши над головой.

Журнал Гартенлаубе опубликовал историю одного помещика из Померании. Он продал свое поместье и, имея 250 тыс. талеров наличными в кармане, приехал в Берлин, намереваясь вести жизнь рантье¹. Доверчивого землевладельца уговорили вложить капитал в акции Центрального строительного банка, который уже через 10 месяцев после своего образования выплачивал громадные – 43%-ные – дивиденды. Поэтому в апреле 1873 г. его акции шли по курсу 420. Рантье приобрел акций этого банка номинальной стоимостью 80 тыс. талеров по курсу 400 на сумму 320 тыс. талеров. 250 тыс. талеров он выплатил наличными, а остальные 70 тыс. ему ссудил банк, постоянным вкладчиком которого он являлся.

В обеспечение долга банк взял на хранение все акции. Гартенлаубе так описывает конец этого предприятия: «Курс акций начал падать и падал безостановочно; банк потребовал погашения долга, а поскольку этого не последовало, он в порядке принудительного прекращения сделки продал все акции своего вкладчика на бирже. Бывший помещик менее чем за полгода потерял все свое состояние и остался должен банку 20 тыс. талеров».

Для многих западных специалистов в области экономической истории большой грюндерский крах 1873 г. был единичным «несчастливым случаем на производстве» в истории капитализма, о котором они вспоминают весьма неохотно. Вольфганг Цорн, профессор экономической и социальной истории Мюнхенского университета, пишет по этому поводу: «Исследования в данной области еще далеки от завершения, здесь еще предстоит многое доработать». Тем охотнее разрабатывают эту тему историки-марксисты из ГДР. Ханс Моттек, например, один из ведущих специалистов ГДР в области экономической истории, опубликовал несколько книг по данному вопросу. Он считает, что крупнейший грюндерский кризис – это типичный случай, свидетельствующий о неспособности капитализма успешно решать им же самим создаваемые проблемы.

Типичный или несчастный случай – это мы можем определить, проследив события тех лет. В наши дни явления детских лет капитализма повторяются чересчур часто. Да-

же если сегодня биржа функционирует много лучше, если в законах, действию которых подчиняется процесс хозяйствования, давно учтен опыт прошлого, то основные образцы стремления людей к приобретательству остаются прежними. И методы, к которым прибегают ловкие бизнесмены сегодняшнего дня, пытаясь надуть друг друга, разве что по стилю отличаются от рекламных средств их предшественников 1870 г.

Методы надувательства

Кому из тех, кто перелистывает биржевые проспекты эпохи расцвета грюндерства, сразу же не придут в голову сегодняшние газетные объявления о фирмах, консультирующих своих клиентов по поводу способов уклонения от налогообложения, об агентах по срочным сделкам на поставку товаров или о дельцах, имеющих дело с акциями! И в те времена газеты неплохо наживались на биржевом буме. Некоторые из них урезали рекламные колонки и одновременно в таком же темпе повышали цены на публикации. Настоящие чудеса творили авторы текстов крупноформатных объявлений акционерных компаний. Так, Первый сахарный завод в Альтенбурге, руководство которого намеревалось заняться также горным делом, следующим образом рекламировал свои ценные бумаги, котирующиеся на бирже: «К самым благодатным уголкам немецкой отчизны относится восточный округ герцогства Саксония – Альтенбург. Исключительное плодородие его почв признается всеми. Однако эти земли таят в себе и ценнейшие подземные богатства – залежи бурого угля с высокой толщиной пластов, что открывает широкие перспективы промышленного развития этой местности. Здесь нужно лишь уметь и действительно приложить руки, чтобы быстро обеспечить длительный расцвет».

Ежегодные прибыли столь щедро одаренного богатствами общества «арендатор герцогских угодий» по имени Науман щедро оценивал в 113 тыс. талеров. Однако годом позже это предприятие уже не нуждалось в «умелом и действенном приложении рук», поскольку оно обанкротилось, а его акционеры лишились всех своих вкладов.

1. Рантье [фр. *rentier*] – лицо, живущее на проценты с отдаваемого в ссуду капитала или с ценных бумаг (акций, облигаций)

«Биржевой коммивояжер для города и деревни»

Журналист Отто Плагау, сотрудник семейного журнала Гартенлаубе и автор вышедшей в 1877 г. книги «Недобросовестные биржевые и учредительские сделки в Берлине», был одним из самых компетентных критиков спекулятивных операций. В достижении сомнительных успехов мошенников он наряду с грюндерами винил и своих коллег-журналистов: «В первую очередь «маленькие» люди, да, впрочем, и представители обычного третьего сословия до 1870 г. имели о бирже весьма слабое представление, они едва различали акции по названиям, а биржевой бюллетень был для них книгой за семью печатами. Они хранили свои деньги в кубышке; они переводили деньги в сберегательные кассы или на покупку земельных участков до тех пор, пока недобросовестные учредительские сделки не заставили и их мерцать, пока они и их не втянули в свой водоворот».

Любой журнал, любая провинциальная газетенка помещала на своих страницах курсовые таблицы, вела постоянную рубрику биржевых новостей, ежедневно публиковала в разделе объявлений и в редакционных статьях рекламные материалы о вновь образованных фирмах и новых акциях. Так неожиданно возник новый класс коммивояжеров, биржевых коммивояжеров для города и деревни, которые не оставляли без внимания ни одного дома, опускались в подвалы и поднимались в комнаты на чердаках и всюду предлагали свои акции. Повсюду в небольших городках и самых отдаленных деревеньках у биржи были свои агенты, которые навязывали ремесленникам и крестьянам те или иные ценные бумаги, котиравшиеся на бирже, обещая им сказочное богатство; своими подписями или перечислением видных, знатных или добропорядочных имен, стоявших на акциях, старались убедить в отсутствии реальной угрозы их существованию.

Газеты жаждали рекламных объявлений и пестрели сообщениями о сенсационных успехах учредителей. И только если газета получала слишком небольшую толику тех богатых денежных даров, с помощью которых

грюндеры «удобряли плантации» печатных объявлений, журналисты могли уже несколько основательнее заниматься происходящим на бирже. Едва успевала появиться критическая статья о том или ином предприятии, как вновь как из рога изобилия сыпались заказы на помещение рекламных объявлений, а через несколько номеров предприятие, которому пришлось раскошелиться, уже представало перед читателями в новом блеске. Впрочем, не только журналисты и издатели были теми, кто столь однозначно и безоговорочно поставил себя на службу грюндерам. Многие политические деятели самого высокого уровня, такие, как прусский министр финансов Отто Кампаузен, президент палаты депутатов фон Беннигсен или депутаты рейхстага фон Кардорф и Бамбергер, в годы грюндерского бума относились к числу наиболее удачливых «добытчиков» крупных денежных поступлений. Лишь немногие аутсайдеры осмеливались открыто говорить об имеющем место — по определению Гартенлаубе — «обмане маленького человека». Кроме Отто Плагау, здесь следует назвать таких журналистов по экономическим проблемам, как Рудольф Майер, Фердинанд Перро или Георг Хирт.

Бульварный журналист вызывает на дуэль

Депутат рейхстага Людвиг Бамбергер, бывший одним из учредителей «Дойче банк» и Имперского банка, переменял тактику и с парламентской трибуны обозвал те немногие биржевые бюллетени, которые до некоторой степени все еще придерживались объективной точки зрения, «бульварной прессой». После этого журналист Рудольф Майер бросил Бамбергеру вызов драться на пистолетах. Бамбергер, будучи человеком, хорошо понимавшим толк в деньгах, не воспринимал обычаи прусских офицеров всерьез, а потому взял свое обвинение назад. Отто Плагау пришел в негодование: «Господин Людвиг Бамбергер и вместе с ним либеральная пресса страдают грандиозным смешением понятий, если они называют бульварной прессой те издания, которые разоблачают безалаберность манчестеризма¹ и клеймят ог-

1. Манчестерская школа, Манчестерство — течение в экономической политике, возникшее в Англии в 30-х гг. 19 в. в связи с борьбой против хлебных пошлин; защищало свободную торговлю и отказ от всякого вмешательства государства в экономическую жизнь страны; крупнейшие представители этого течения — Кобден и Брайт (из города Манчестера).

рабление народа грюндерами и биржевыми игроками. К бульварной прессе следует отнести скорее те биржевые листки, которые за деньги и замолвленное словечко потворствуют наглому надувательству».

«И они валили толпой»

Инспирирующая кампания столичной прессы, не знавшая никакой передышки, имела свои результаты. Едва появлялось новое общество, как незамедлительно по многочисленным адресам рассылались проспекты, отпечатанные на шикарной бумаге, на страницах газет помещались хвалебные статьи, и публика уже страстно желала получить в свои руки новые акции. Уже тогда грюндеры применяли на практике методы массовой психологии, чтобы как-то оживить спрос. Они искусственно создавали дефицит и внушали публике, что возможность быстро разбогатеть имеется только у того, кто начнет действовать без промедления.

В назначенный день в трех или четырех банках Берлина объявлялась подписка на акции нового общества, и только тот, кто приходил в первый же день, получал их по курсу дня выпуска (100%). Отто Глагау так описывает происходившее у банковских стоек: «И они валили толпой, заполоняли улицу и осаждали банк. Когда же дверь наконец открывали, поток устремлялся внутрь и в мгновение ока все выставленные для продажи купонные листы оказывались подписанными. Один подписывался на 100 талеров, другой — на 500, третий — на 1 тыс., четвертый — на 3 тыс., пятый — на 10 тыс. талеров. «Сумма подписки превышена в 3...5 раз! Сумма подписки колоссально превышена!» — в тот же вечер хором сообщали газеты».

Между тем все это представление было тщательно подготовлено учредителями общества: «Те люди, которые толпились и толкались у банка, принимавшего подписку на новые ценные бумаги, были коммивояжерами и рассыльными близких или дружественных фирм или нанятыми посыльными, которых на этот день обрядили в пальто и цилиндры. Более того, здесь можно было видеть многочисленных празднующихся и любопытных. Время от времени сюда забредал и рантье. Введенный в заблуждение толпой, он подписывался на определенную сумму и, несмотря на все «ограничения», неизбежно получал все акции», — писал автор Гартенлаубе.

«Фирмы» и «крупные дома»

В действительности сбыть все ценные бумаги было не так легко, как можно было предположить, прочитав в газетах описания подобных сцен. Однако успех, пусть и мнимый, заражал, и постепенно все больше и больше мелких чиновников, рабочих и слуг стали проявлять интерес к поразительным ценным бумагам — акциям, которые в течение всего одной ночи якобы могут решить все материальные проблемы.

Центром всех страстных желаний, всей активности грюндеров и махинаций на курсах была биржа, которая хотя и существовала в Берлине с 1716 г., но никогда не была столь популярна, как в бурные годы грюндерства. Здание в классическом стиле на углу улиц Бург- и Нойе Фридрихштрассе имело самое большое крытое помещение в Берлине. Биржевой зал — свидетельство исключительно быстрого роста значения сделок купли-продажи акций — в три раза превышал размеры королевского зала в здании «Кролл», в прошлом приводившего многих в восхищение, и был рассчитан на прием более 5 тыс. человек. Современник так описывал спектакль, который разыгрывался незадолго до полудня, когда открывались 13 дверей, ведущих из вестибюля в собственно биржевой зал: «Со всех сторон в зал устремляются молодые Меркурии. Они приходят пешком или приезжают в колясках, на извозчиках первого и второго класса, в собственных, часто очень дорогих, экипажах со слугами и кучерами в обшитых галунами камзолах. Приходят и «молодые люди», курьеры и рассыльные; появляются маклеры, агенты и банкиры; приходят «фирмы» и «крупные дома». Все, торопясь и толкаясь, валом валят в вестибюль, где на вахте стоят портье и два контролера — три внушительные фигуры в нарядной форме христианского и древнегерманского происхождения, как вся прислуга и низшее чиновничество. Налево по коридору — фондовая, или валютная, биржа, направо — товарная биржа.

Массивная дверь в форме задрапированного зеленой тканью турникета, с которым следует обращаться умело и осторожно, служит входом. За один оборот через турникет проходит почти 25 человек, причем скорым шагом. Однако проскользнуть в дверь удается далеко не каждому. Контролер знает всех, а того, кто ему незнаком, он просит предья-

вить «карту» или назвать «фирму», а затем, вежливо придерживая за воротник, препрождает вон».

Игра на бирже

Правила игры в этом крупнейшем в Германской империи центре денежного обращения были гораздо менее строгими, чем на нынешних фондовых биржах. Тогда еще не существовало никаких контролирующих органов, и даже такие наиболее спекулятивные биржевые сделки, как, например, сделки купли-продажи на срок, не были запрещены. На бирже торговались и спекулировали. Вот что писал один из современников: «По сравнению с игрой на бирже все азартные игры представляются детскими забавами, даже запрещенные притоны выглядят вполне невинно. В Хомбурге или Баден-Бадене можно было проиграть не больше того, что имеешь в кошельке. При биржевой игре на разницу в курсе ценных бумаг никогда не знаешь, сколько потеряешь; за один час можно потерять больше, чем имеешь вообще. Игра на бирже настолько рискованное и социально опасное дело, что правительства никогда не должны были бы допускать ее существования... Очевидно одно: здесь были разорены многие семьи и дьявол собрал здесь богатый урожай».

Берлинцев, охваченных настроением того времени, подобные перспективы не могли заставить отказаться от твердого решения разбогатеть без труда путем игры на курсах акций. Толпами следовали они — как сегодня дантисты и другие умельцы — получать высокие доходы за своего рода артистами в деле амортизационных списаний — за грюндерами, которые вынашивали планы, один фантастичнее другого.

Болотный цветок «Флора»

Одной из типичных берлинских фирм тех лет была «Флора». Идея создания «Флоры», которая должна была стать увеселительным центром, достойным имперской столицы, с летними и зимними садами, с павильонами и парадными залами, принадлежала крупнейшему «асу» Берлина в строительном деле, предпринимателю по имени Й. А. В. Карстен. Переселившегося из Гамбурга спекулянту крупного масштаба за несколько лет

удалось нажить миллионное состояние. Он, по дешевке скупая поля и луга рядом с городскими окраинами Берлина, «превращал» их в строительные участки, иными словами, он поступал точно так, как это делают строительные дельцы в наши дни.

Свой самый крупный замысел король недвижимости, позднее получивший дворянский титул и ко всему прочему заново отстроивший всю Кайзерштрассе от Штеглица до Шарлоттенбурга, реализовал, осуществив возведение городского района Лихтерфельде. Когда Карстен учредил свою земельно-строительную фирму «Лихтерфельде АГ», эта, ныне плотно застроенная, часть Берлина состояла из покинутой людьми деревни и заброшенных земельных угодий. В короткий срок он превратил унылое место в видную колонию вилл с двумя железнодорожными вокзалами.

Вначале он за бесценок скупил земли у тамошних крестьян, затем перепродал их им самим основанному строительному обществу, получив при этом прибыль в несколько сотен тысяч талеров, и за счет своих акционеров построил виллы, которые опять-таки с изрядной выгодой для себя продал зажиточным берлинцам.

Трюк с кадетским корпусом

Чтобы избалованные жители столицы согласились жить в прежде мало привлекательной местности, неутомимый грюндер прибег к уловке: он подарил императору щедро отмеренный в Лихтерфельде земельный участок для строительства кадетского корпуса. А так как в первые годы существования империи Бисмарка ничто так не привлекало прусских буржуа, как армия, то позднее у Карстена не было никаких трудностей со сбытом шикарных домов, расположенных непосредственно вблизи от будущей офицерской школы.

В вечернем выпуске от 18 декабря 1871 г. газета Национальцайтунг сообщила: «В своем письме Его величество император очень одобрительно отозвался о плане. Генерал свиты Его императорского величества барон фон Штайнеккер был избран председателем административного совета, а одно место было оставлено для представителя военного министра». Ясно, что курс акций зе-

мельно-строительного общества «Лихтерфельде АГ» поднялся. Через год после учреждения общество Карстена выплатило своим акционерам дивиденды в размере 25%, а курс его акций продолжал повышаться. Между тем в 1873 г. размер дивидендов составил всего 5%, а еще год спустя уже не выплачивалось никаких дивидендов. Курс акций, который в период «расцвета» достигал 155, теперь упал до 18.

Подобное крушение надежд ожидало и акционеров «Флоры», для которых Карстен приготовил очередную сладкую конфету. Проект, несомненно, пришелся ко времени: роскошный танцевальный и увеселительный дворец предназначался для выскочек грюндерского поколения. Следуя безошибочно чутью на желания публики, Карстен предложил своим акционерам не только «надежные» дивиденды в размере 12%, но и право на бесплатный вход в будущий берлинский храм увеселений и муз. Само собой разумеется, что это право распространялось и на членов семей его кредиторов.

Предприятие развивалось по испытанной схеме: вначале Карстен вместе с состоятельным помещиком Людвигом Эберсом в полной тайне приобрел большой парковый участок в Шарлоттенбурге, где прежде стоял замок Штайна. Затем владельцы участка учредили так называемое акционерное общество «Флора» и пригласили на общее собрание, состоявшееся 26 сентября 1871 г., всех, кто обладал в Берлине именем и высоким положением.

Обрушиваются стропила

Ловкие дельцы включили в административный совет предприятия таких представителей знати, как князь фон Путбус, полицай-президент фон Вурмб, а также многочисленных тайных коммерческих советников и советников посольств. Вместе с ними за столом сидело несколько пользовавшихся дурной славой грюндеров, таких, как Хайнрих Квисторп, который по богатству и числу основанных им обществ вполне мог сравниться с самим Карстеном, или почти столь же продувной спекулянт Жан Френкель. Чтобы берлинский высший свет в полной мере мог воспользоваться своим правом приобрести акции фешенебельного предприятия по подписной цене, его учредители бросили весь-

ма соблазнительную приманку. Карстен пообещал, что во «Флоре» станет регулярно выступать Лукка, прославленная берлинская примадонна тех лет, а чтобы здесь не произошло никакого конфуза, он назначил первым директором заведения супруга звезды, некоего господина фон Радена. Грюндеры, вероятно, считали, что они тем самым исполнили свой долг и теперь могут спокойно наблюдать за тем, как их прекрасный план претворяется в жизнь. Следующий шаг, подписка на акционерный капитал, не создал никаких трудностей, поскольку эта «замечательная» идея, по-видимому, пришлась по душе берлинцам. Впрочем, сами строительные работы шли довольно медленными темпами, а в марте 1873 г. рухнула стропила еще недостроенного большого зала. Намеченное на весну этого года открытие увеселительного центра было отложено на целый год.

«Царит полная бесхозяйственность»

Только в мае 1874 г. газеты сообщили об открытии дворца увеселений, но строительство самого здания было еще далеко не завершено. Предприятие в целом, как и многие проекты тех лет, страдало типичным грюндерским недугом. Все компаньоны желали заработать на этом как можно больше, делая при этом очень мало. Гартенлаубе опубликовал сообщение о положении дел на предприятии: «Здесь царит полная бесхозяйственность. Наблюдательный совет и правление нередко одновременно являются кредиторами «Флоры», имеют векселя, выданные обществом, или же отдают в залог ту или иную собственность общества. Часть самых необходимых инструментов и принадлежностей арендована, что связано с колоссальными расходами. Здешний ресторан длительное время также вызывал нарекания. Это длилось до тех пор, пока владелец предприятия в один прекрасный июльский день не сбежал как раз в тот момент, когда остановившиеся в Шарлоттенбурге почетные гости собрались отобедать у него. Его преемник в ближайшие месяцы обанкротился, причем не по своей вине. Ему оставили лишь кухню, но не напитки — ни вина, ни пива. И тем не менее ему надлежало содержать целую армию кельнеров и оплачивать их труд. Пивом угощает за свой счет президент наблюдательного совета Юлиус Пиккарт, так как по слу-

чайному совпадению он являлся генеральным арендатором пивных залов дворца».

И даже такие широко разрекламированные пропагандистские маневры, как старт французского дирижабля с территории «Флоры» или организация лотереи на четверть миллиона талеров, не смогли вернуть в число приносящих прибыль предприятие, которое пустило по неверному пути. Курс акций «Флоры» упал до неслыханно низкого уровня, а ее владельцы потеряли на увеселительном дворце более двух миллионов талеров. Гартенлаубе сетовал: «Бедная несчастная «Флора»! Никогда еще ни с одной женщиной, тем более богиней, не обращались столь грубо, ни одну женщину так бесстыдно не обирали и не обкрадывали!»

«Кайзерхоф» хорошо застрахован

Столь же неудачным, как и создание «Флора», оказалось учреждение другого, также помпезного, предприятия — «Кайзерхоф». Предполагалось, что это будет роскошный суперотель, достойный города мирового значения, которым начинал становиться Берлин. Заправили величественного проекта входили в окружение только что созданного «Дойче банк». Это были такие люди, как коммерции советник Адальберт Дельбрюк, барон Аугуст фон дер Хайдт и Георг Сименс. Они учредили «Берлинер отельгезельшафт АГ», которое намеревалось возвести на Цитен- и Вильгельмштрассе свою фешенебельную гостиницу на 262 номера, оборудованную «вентиляционными стволами, лифтом и солярием». «Чудо комфорта, изящности и роскоши», — восторгалась пресса.

Когда наконец роскошное здание было построено, лично прибыл его величество император Вильгельм I, чтобы проверить, как работает лифт. На банкет, посвященный открытию гостиницы, пригласили 250 высших чиновников, представителей науки, искусства, торговли и прессы. Национальцайтунг восторженно описывала это общественное событие: «Перед каждым прибором было выставлено девять различных бокалов для вина. И чокались каждым из них. Вслед за изящным стеклянным бокалом, наполненным сверкающей пеной, зазвучал сужающийся сверху крупный бокал зеленого цвета, в который было налито рейнское вино, на смену бургундскому вину приходило мозельское, а белое

шабли в широких плоских бокалах приветствовало искристое бордо в красивых точеных хрустальных бокальчиках».

Но на девятый день после того, как роскошное здание открыло двери для своих гостей, блистательный спектакль завершился совершенно неожиданно. Гости и обслуживающий персонал опрометью бежали из «образцового отеля», а из окон на улицу летели кровати, одежда, белье, ковры и гардины. «Кайзерхоф» начал полыхать ярким пламенем. Как возник пожар, так никогда и не выяснилось. Только очень скоро по Берлину поползли слухи о том, что учредителям шикарной гостиницы пожар пришелся как нельзя кстати. В действительности оказалось, что ее владельцы задолжали за строительство 2,5 млн. талеров, а сама гостиница за несколько дней до пожара была исключительно выгодно застрахована в городской страховой кассе, осуществляющей страхование от огня.

Грюндеры открывают для себя рынок пива

Там, где дела идут хорошо, обычно изрядно пьют, и Берлин в годы грюндерства не составлял исключения из этого правила. Уже тогда излюбленным напитком было пиво, и поэтому было логично, что грюндеры обратили свои взоры на процветающую отрасль — пивоварение. В те времена варили ячменный напиток трех сортов:

- простое пиво — «Лагер»;
- пиво подороже — «Байриш»;
- светлое пиво, в которое берлинцы для вкуса добавляли щепотку тмина, — «Кюле блонде».

В ту эпоху в Берлине существовало множество мелких и средних пивоваренных предприятий, таких, как «Швенди», «Липпс», «Арене», «Вагнер», «Патценхофер», поставивших вполне приличные напитки. И единственное «Акцион-бир» («Акционерное пиво») столицы, выпускавшееся в продажу основанным еще в 1857 г. акционерным обществом «Тиволи АГ», пользовалось известной популярностью. Ситуация резко изменилась, когда профессиональные грюндеры, подобно стае голодных волков, набросились на пивоваренные заводы, по чересчур завышенным ценам выкупали их у прежних вла-

дельцев и тут же преобразовали их в акционерные «общества».

Пивоваренное дело считалось особенно прибыльным, потому что сулило высокие темпы роста производства. Дело в том, что каждое лето в Берлине ощущался острый дефицит пива. Поскольку сроки хранения того пива были сравнительно небольшими, его нужно было быстро реализовывать. А пивоваренные заводы по имеющимся производственным мощностям не могли ориентироваться на высокий спрос летнего периода, потому что иначе зимой им неизбежно пришлось бы остаться с большим количеством непроданного товара.

Тост, произносимый с бокалом «дивидендного пойла»

Поэтому в теплое время года ячменное пиво свозили в Берлин со всей Германии, а грюндеры усматривали в широко обсуждавшемся «пивном вопросе» приглашение к денежному обогащению. Едва новое акционерное право вступило в силу, как рынок пива оживился. В течение всего нескольких недель появились десятки новых акционерных пивоваренных обществ, в том числе фирмы «Унион-брауэрай», «Фридрихсхоэ», «Шульгхайс», «Бок», «Моабит», «Шенеберг», «Адлер», «Кенигсштадт», «Зоциететсбрауэрай» и «Хазенхайде».

Тайну о том, как шел этот процесс учреждения новых обществ, поведал Бютцов, сохранивший свою самостоятельность пивовар, который в 1871 г. вышел из Союза владельцев пивоваренных предприятий: «За мой пивоваренный завод мне предложили баснословную сумму 300 тыс. талеров. Комиссионер, который осуществлял посредничество, запросил такую мелочь, как 25 тыс. талеров, сам учредитель потребовал 50 тыс. талеров, а банкиры, образовавшие биржевой консорциум, — 225 тыс. талеров, вот почему акционерный капитал должен был составить 600 тыс. талеров». Пивоваренный завод, который на самом деле стоил всего лишь около 200 тыс. талеров, предлагался акционером по тройной цене. Бютцов отклонил предложение и сохранил свою самостоятельность.

Игрушка в руках тех, кто стремился к наживе

Жителей Берлина исключительно шумный пивной бум оставил в проигрыше. Пиво становилось дороже и хуже, а покупатели фальсифицированных акций пивоваренных предприятий потеряли большую часть своих вкладов. Гартенлаубе отмечал: «Чтобы обеспечить размещение акций пивоваренных предприятий, выплачивались высокие дивиденды, и, чтобы при чудовищных расходах в условиях разорительного и расточительного хозяйствования вообще иметь возможность получать дивиденды, пивоварни выпускали напиток, которому народ с полным основанием дал очень меткое название «дивидендное пойло». От этой отвратительной бурды, которая не утоляла жажды и не взбадривала, а, напротив, доставляла известные неудобства и даже вызывала недомогания, в равной степени страдали люди и владельцы ресторанчиков. Ее пили с отвращением и с некоторым внутренним сопротивлением, к тому же в гораздо меньших количествах, чем обычно. Даже самые страстные любители пива вынуждены были отказывать себе в лишней кружке, что было для них равносильно умерщвлению плоти».

Поскольку «дивидендное пойло» все дороже обходилось владельцам ресторанчиков, а у клиентов оно не пользовалось спросом, хозяева этих заведений пошли на уловку, которая у них в ходу до сих пор: они уменьшили пивные кружки и стали наливать в них больше пены, чем пива. Дурную славу приобрели так называемые мерные пивные кружки, сужающиеся кверху, с исключительно толстым дном и стенками толщиной в палец. Они уже вмещали не пол-, а четверть литра пива. Одновременно хозяева пивных на 33,3% повысили цены. Поскольку большинство пивоваренных заводов имели большой акционерный капитал и плохо управлялись, они были вынуждены непрерывно уменьшать размеры дивидендов, мирясь с неизбежным понижением курса акций. Так, курс акций «Унионбрауэрай», одного из крупнейших в Берлине акционерных пивоваренных предприятий, упал со 140 до 65. Некогда процветавшее пивоваренное общество «Швенди» в 1873 г. выплатило дивиденды в размере 3%, а годом позже — всего 1,5%.

Аналогичная картина наблюдалась и в других отраслях. Перспектива легкого получения денег вызывала никогда не виданный до того рост деловой активности, но все это было мимолетным успехом: огонь, ярко вспыхнув, моментально гас. Никто не брал на себя труд вести хозяйство на солидной основе: все должно происходить как можно быстрее и приносить как можно большую прибыль. Даже самые серьезные промышленные фирмы попадали в водоворот опасного бума и превращались в игрушки в руках тех, кто стремился к наживе. Одним из таких предприятий был «Ферайнигте Кенигс-унд Лаурахютте», крупнейший горно-металлургический концерн Верхней Силезии. В то время он принадлежал графу Гвидо Хенкелю фон Доннерсмарку. Предприятие одного из самых богатых и крупных землевладельцев включало в себя многочисленные цеха, металлургические и прокатные заводы и требовало осуществления больших капиталовложений, если только его владелец действительно намеревался превратить его в единый концерн.

Акционеров оставляют в дураках

Проект показался графу слишком грандиозным, и он обратился к банкиру Герсону Бляйхредеру, своему компаньону по переговорам с французским премьер-министром Тьером. Оба магната решили объединить все верхнесилезские горнодобывающие и металлургические заводы графа и преобразовать их в акционерное общество. Если бы они сделали только это и ничего иного, то затея с «Лаурахютте» наверняка не стала бы одним из крупнейших грюндерских фиаско тех лет. Однако Бляйхредер и Хенкель в духе лучших «традиций» грюндерства увеличили акционерный капитал вдвое против реальной стоимости предприятия, причем оба на этом хорошо заработали и манипулировали курсом акций на бирже по всем правилам искусства.

Доверяя доброй славе учредителей металлургического предприятия, подписчики на акции валили валом. Курс акций неуклонно повышался и достиг рекордной отметки — 270. «Если бы они на этом остановились и перестали бы использовать в корыстных целях публику за счет биржевой игры, то против создания нового концерна нечего было бы воз-

разить», — писали критики в газете Нойе бергенцайтунг.

Но ажио — разница между реальной стоимостью предприятия и стоимостью распространенных на бирже акций — составляло 100%. После краха на бирже в Вене курс акций упал до 80, и не одной сотне акционеров пришлось поплатиться двумя третями своих сбережений. То же самое имело место с другими фирмами, учреждавшимися Бляйхредером, рурскими угольными трестами «Шамрок» и «Иберния».

«Курс должен расти и расти»

Второй после Бляйхредера банкир Германской империи А. Ханземан, глава «Дисконто-гезельшафт», был инициатором тяжело по своим последствиям грюндерского блефа в Рурской области. Ханземан сговорился с эссенским торговцем железом и скобяными изделиями Фридрихом Грилло, который объединил несколько различных предприятий в «Дортмундер унион». Акции предприятия, в котором участвовали кельнский банк Оппенгейма и Ротшильды, на первых порах котировались на бирже по курсу 110, затем их курс непрерывно повышался, достигнув в конечном счете отметки 228, а после биржевого краха упал до смехотворно низкого уровня — 12 талеров за акцию.

Бывший железнодорожный король Штроусберг так высказался по этому поводу: «Беда заключалась в том, каким отвратительным способом велась спекуляция на бирже. Ну, а самое странное заключалось в том, как вел себя Грилло: он считал, что курс недостаточно высокий и он должен еще повышаться. В конечном счете не смог найти покупателя для своих акций и оказался в положении, которое означало потерю немалой части его состояния».

Уже тогда захватывали пустовавшие дома

«Маленький человек» испытывал на себе последствия грюндерских афер, будучи просто-напросто квартиронанимателем и не вкладывая своих сбережений непосредственно в акции. Нигде спекуляция не достигала таких размеров и не бушевала столь яростно, как на жилищном рынке. Параллели с современностью ошеломляют: уже в те годы

проводилось преднамеренное уничтожение жилого фонда в интересах возведения импозантных¹ конторских дворцов, уже в тот период свирепствовали квартирные ростовщики, искусственно создавался дефицит жилья. Даже принудительный захват домов отнюдь не изобретение наших дней, уже тогда в официальных бумагах берлинской полиции фиксировались случаи принудительно выселения из тех жилых домов, в которых бездомные обитали «по нулевому тарифу».

Подъем конъюнктуры после успешно завершённой войны с Францией даровал Берлину невиданные прежде темпы роста населения. Со всех частей империи в поисках счастья в столицу устремились авантюристы и карьеристы, горничные и женщины легкого поведения, рабочие и ремесленники. Особенно велик был поток сельскохозяйственных рабочих, поденщиков и прислуги из крупных поместий, лежавших в восточной части страны. Все они надеялись найти в столице избавление от барщинного труда и нищенского существования. Однако в Берлине их нередко ожидала еще более тяжкая доля. Ведь в деревне всегда была еда в достатке и крыша над головой. А как раз именно этого так не хватало гигантской сверхдеревне на Шпрее с тех пор, как разразилась грюндерская лихорадка.

Примитивные убежища для бедняков

В 1867 г. в Берлине пустовало еще добрых 8600 квартир, а через пять лет их количество едва достигало тысячи. Но одни эти цифры еще ничего не говорят о явном жилищном кризисе в германской столице, потому что большинство пустовавших квартир были слишком дорогими и чересчур большими для неимущих, нахлынувших в Берлин. И действительно, десятки тысяч бездомных жили в примитивных условиях барачных лагерей за городом, ночевали под мостами или в брошенных железнодорожных вагонах. Даже под поворотными кругами берлинских вокзалов ютились бездомные иммигранты.

Постоянный приток новых горожан, как и возросшие в годы грюндерского бума доходы населения, способствовал повышению квартирной платы. Если до 1870 г. обычная берлинская семья среднего служащего расхо-

довала на оплату жилья шестую часть семейного бюджета, то в 1872 г. квартира поглощала уже четверть ее доходов.

Все, кто разбогател во время учредительного бума, стали предъявлять повышенные требования к размерам квартиры и ее обстановке. В центре города власти стали планомерно сносить жилые дома, высвобождая место для строительства административных зданий многочисленных новых акционерных обществ, банков и страховых компаний. Директора и наблюдательные советы, биржевые маклеры и спекулянты возводили феенебельные городские дома, строили роскошные виллы вокруг Тиргартена и, как правило, поднимали общий уровень цен на жилье. Рабочие, ремесленники и мелкие чиновники, которые прежде еще проживали в центральных районах города, постепенно начали покидать дорогие кварталы и переселяться в берлинские предместья.

«Берлин станет городом мирового значения»

На территории, которую занимает в наши дни аэропорт Темпельхоф, возникла «Бараккиа», временный поселок из лачуг, сооруженных из гофрированной жести, и примитивных строений для беднейших из бедных.

Когда «грюндеры» принялись за «освоение» берлинского жилищного рынка, они, по всей видимости, думали не о дешевых квартирах, отдаваемых внаем, а о роскошных домах для состоятельных слоев населения. «Берлин станет городом мирового значения» — стало их лозунгом. Это — название театральной пьесы Давида Калиша, которая пользовалась тогда наибольшим успехом. В действительности же столица вновь образованной Германской империи не выдерживала никакого сравнения со своими крупнейшими прототипами — Парижем и Лондоном.

Если они давно уже были городами-миллионерами, то в Берлине в 1870 г. насчитывалось едва-едва 500 тыс. жителей. Правда, уже через год население Берлина увеличилось до 824 тыс., а в 1873 г. превысило 900 тыс. человек. Он стал самой быстрорастущей столицей Европы. Впрочем, еще в июне 1871 г. когда состоялся парад в честь победы

1. Импозантный [фр. imposant] — внушительный, производящий впечатление своим видом, представительный.

над Францией, улицы города очень напоминали сонную резиденцию Старого Фрица. Еще никогда Германия так открыто не демонстрировала свою военную мощь, как в тот яркий солнечный летний день, когда возглавляемые Вильгельмом I, Бисмарком и генерал-фельдмаршалами Мольтке и Рооном парадные колонны проходили мимо густых толп берлинцев, восторженно их приветствовавших. 42 тыс. увенчанных лавровыми венками и цветами солдат торжественным маршем шли по улицам Берлина. Баронесса Хильдегард фон Шпитцемберг в восторге писала в своем дневнике, одном из интереснейших документов той эпохи: «Прекрасное зрелище представляли собой унтер-офицеры всех армейских корпусов, несшие впереди воинских частей боевые знамена и другие воинские символы французов с изображением орлов».

Чикаго на Шпрее

Большая Чингдерасса открыла новую эпоху в истории столицы. Неожиданно по всему городу стали появляться строительные котлованы, превращаться в развалины и исчезать в облаках пыли старые идилические домики, чуть ли не за ночь возникать новые дворцы в стиле классицизма¹, неоренессанса² или даже неоготики³.

Конечно, городом мирового значения в духе Парижа Берлин так никогда и не стал, а денежным городом он был уже тогда. «Благодаря благоприятному географическому положению и наличию широкой сети железных дорог и каналов Берлин стал центром торговли в рамках постоянно расширяющегося промышленного региона», — писал американский историк Фритц Стерн.

Основатель «АЭГ» Эмиль Ратенау придумал название динамичной столице Германской империи, которое в то время берлинцы восприняли как оскорбление, — Чикаго на

Шпрее. Как и в метрополии американских скотобоен на озере Мичиган, в Берлине начала 70-х годов прошлого века вся жизнь вращалась вокруг прибыли.

«Ужасное порождение фантазии»

Богатые строили в западных районах города свои виллы, бедные прозябали в унылых густонаселенных домах казарменного типа. Несколько десятков лет спустя немецкий историк Фридрих Майнекке с горечью писал о Берлине грюндерских лет: «Здесь рядом с домом нюрнбергского патриция⁴ стоит ассирийский храм, немного поодаль виднеется Версаль, так что невольно начинаешь думать о Бродвее, Италии или Египте; все это — ужасное порождение разгоряченной пивом технической фантазии».

Историк высказал то, что было на сердце у многих немцев, когда писал: «Сегодня мы со стыдом вспоминаем о вульгарном дурмане грюндерских лет, о наивном высокомерии, с которым тривиальный либерализм вел «культуркамф»... Нас глубоко печалит то эстетическое скудоумие, с которым немцы спокойно наблюдали, как старая милая, умеренно изысканная Германия нашей молодости, тихая прелесть наших старых городов, садов и привычной домашней обстановки приносятся в жертву дешевой роскоши массовой индустрии и массового вкуса.

В те дни зародилась новая форма строений, которую мы сегодня скорее любовно, чем пренебрежительно называем архитектурой времен грюндеров: крытые торговые пассажи, универсальные магазины, оборудованные с излишней роскошью, стеклянные дворцы со стальными перекрытиями и помпезные памятники. Все должно было выглядеть большим, тяжеловесным или, употребляя модное словечко той эпохи, «колоссальным». В Берлине строились такие типичные для того периода здания, как Потсдамский

1. Классицизм — [лат. classicus (перво)класный] — художественный стиль в Зап. Европе 17...начала 19 вв., обращавшийся к античности и античному искусству как к норме и идеальному образцу.

2. Ренессанс [фр. renaissance возрождение] — архитектурный стиль эпохи Возрождения, сменивший готический и воспринимавший элементы греко-римской архитектуры.

3. Готика [фр. gothique — от назв. герм. племени готов] — художественный стиль, преимущественно архитектурный, зародившийся в 12 в. во Франции и в позднем средневековье распространившийся по всей Западной Европе; характеризуется стрельчатыми сводами на ребрах (нервюрах), обилием каменной резьбы и скульптурных украшений, применением витражей, а также подчиненностью архитектурных форм вертикальному ритму.

4. Патриции — [лат. patricii букв. имеющие отцов] — в средние века — лица, принадлежавшие к городской (купеческой) аристократии в германских имперских вольных городах.

вокзал, «Пале-Рояль» и кайзеровская галерея, пассаж со стеклянным перекрытием, расположенный между Берен- и Фридрихштрассе.

Картофельные поля превращаются в строительные площадки

Нигде столь четко не проявлялась жизнеспособность, а одновременно безвкусица и жестокость грюндерского периода, как в «жилищном бизнесе». Отто Глагау писал с отвращением: «Грюндеры увлеклись «жилищным вопросом». Они заявили, что хотят помочь преодолеть «жилищный кризис», и для этого учреждали акционерные общества одно за другим. Они скупали земельные участки и дома в городе, сносили их, они приобретали общественные сады и учреждения, превращали их в строительные площадки; они скупали картофельные поля и огородные участки в предместьях, поля, болота и клочки песчаных земель за городскими воротами, пастбища и уголья соседних деревень и всюду размечали ряды домов и кварталы. Садовники из пригородов, крестьяне из ближайших окрестностей становились обладателями крупных капиталов, с которыми они толком не знали, что делать, и очень скоро приносили их на биржу. В окружающей Берлин местности неожиданно не стало ни лугов, ни полей, остались только строительные площадки и строительные грунты».

Быстрее, чем росли стены домов, в биржевых бюллетенях маклеров появлялись все новые и новые названия строительных обществ. В течение нескольких месяцев в Берлине возникло около 100 новых акционерных обществ, которые заявляли о своем намерении позаботиться о новых квартирах для населения. Статистик берлинского административного органа по надзору за строительством Ханс Швабе подсчитал, что планируемых новостроек хватило бы для размещения 9 млн. человек и что, если бы все проекты были претворены в жизнь, Берлин по своей площади оказался бы в три раза больше Лондона.

К счастью, подавляющая часть этих строительных обществ обанкротилась еще до того, как в фундамент был заложен ими первый кирпич. Многие из них и не ставили перед собой такой цели, просто они намерева-

лись спекулировать земельными участками. И этот бизнес в те дни процветал так же, как и сегодня. «На бирже и за ее пределами земельными участками торговали как ценными бумагами, документы, подтверждавшие основные условия сделок с домами, оплачивались со все большей доплатой. Уровень цен оказался сказочно высоким. Цены стали уже несоизмеримы с выручкой от сдачи квартир внаем и с реальной стоимостью зданий; было утрачено само понятие о мере, господствовали совершенно произвольные оценки, пускал корни дух торгашества и спекуляции», — отмечают Гартенлаубе.

Спекулянт лезет в петлю

Журнал описал случай, происшедший с одним домовладельцем, который задумал продать свое небольшое владение за 120 тыс. талеров. Однако объявилось так много претендентов, стремившихся опередить друг друга, что в конечном счете он получил за него 250 тыс. талеров. А через 2 недели он узнал, что принадлежавший ему дом был приобретен каким-то банком за 400 тыс. талеров. В припадке ярости и отчаяния он вскоре повесился.

В Берлине периода грюндерства цены на земельные участки росли быстрее, чем столетие спустя в западной части Франкфуртана-Майне. Такие строительные львы, как Герман Гебер, Хайнрих Квисторп, И. А. В. Карстен или Пауль Монк, за короткое время нажили миллионы на спекуляциях земельными участками. Впрочем, большинство земельных миллионеров недолго наслаждались своим легко и быстро приобретенным богатством, так как вслед за биржевым крахом произошла катастрофа и на рынке недвижимости.

Одно за другим следовали банкротства строительных обществ, которые не могли больше оплачивать свои долги, поскольку принадлежавшие им земельные участки теперь не стоили и половины тех денег, которые были отданы за них при получении кредитов. Количество пустовавших квартир резко увеличилось и превысило 4 тыс., а, по оценкам статистика Швабе, имущество стоимостью 20 млн. талеров не находило себе применения.

Баррикадные бои против бездомных

Безрассудные спекуляции земельными участками не ослабили, а, напротив, обострили жилищный кризис: в июле 1872 г. дело дошло до ожесточенных баррикадных боев между полицией и взбунтовавшимися бездомными. Поводом для волнений послужило насильственное выселение столяра из квартиры на Блюменштрассе, осуществленное полицией по ходатайству какого-то спекулянта, 600 полицейским в форме и стольким же в гражданском только с большим трудом удалось подавить мятеж.

Даже части военных гарнизонов, расположенных в окрестностях Берлина, находились в состоянии повышенной боевой готовности. Не исключалась возможность начала гражданской войны. Один из офицеров, позднее ставший королем Вюртемберга, писал домой следующее: «Ужасное чувство охватывало при мысли о том, что при определенных обстоятельствах придется вступить в бой с бездомными соотечественниками, причем некоторые из них — это вернувшиеся домой бывшие соратники по оружию!»

Конец грюндерского бума, который казался историку Сарториусу фон Вальтерсхаузену «эпидемией разнузданной жадности денег», наступил 7 февраля 1873 г. В этот день Эдуард Ласкер, глава фракции Национал-либеральной партии в палате депутатов прусского рейхстага, разоблачил несколько типичных мошеннических операций железнодорожного короля Бетеля Генри Штроусберга, в которые были втянуты высокопоставленные политические деятели, например министр торговли граф Итценплитц или тайный коммерции советник Вагенер и такие представители знати, как князь Путбус или принц Бирон.

Депутат разоблачает махинации

Разоблачения Ласкером событий, происшедших во времена строительства Центральной железной дороги Померании и Берлинской северной железной дороги, произвели в Берлине эффект разорвавшейся бомбы, хотя некоторые посвященные лица уже давно были в курсе дела. Целые газетные столбцы были отведены описанию сенсационной карьеры начинавшего с нуля железнодорожного короля, настоящее имя кото-

рого было Барух Хирш Штраусберг и который одно время считался самым богатым человеком Германии.

Читатели смаковали подробности историй о коррупции и мошенничествах, об огромных прибылях и халатном управлении. Президент ведомства рейхсканцлера Рудольф Дельбрюк цинично комментировал растущее недовольство проделками грюндеров: «Никакое законодательство не в силах помешать людям избавиться от своих денег, если они задались такой целью». Однако лавину, вызванную разоблачительной речью Ласкера, остановить было уже невозможно.

Эхо этого выступления отозвалось с юга: в апреле 1873 г. по Вене поползли слухи о том, что двум крупнейшим банкам якобы грозит крах. Акционеры и вкладчики тут же ринулись на штурм банковских касс, стремясь как можно скорее продать свои ценные бумаги. Курс акций падал с головокружительной быстротой.

Берлинские грюндеры все еще верили, что паника в Вене — чисто австрийское явление, и даже известный политэконом Йозеф Нойвирт заявил: «Это строго локальный биржевой кризис, не больше». Но экономические системы молодых индустриальных государств были уже связаны между собой гораздо прочнее, чем могли предполагать теоретики.

Курс акций падает в бездонную пропасть

В Берлине курс ценных бумаг временно имел незначительные колебания. Однако летом через Атлантику пришло сообщение о том, что в Америке разразился крупный кризис железнодорожных обществ. Теперь уже не осталось никаких сдерживающих факторов — наступал первый мировой экономический кризис. Тогда никто не мог допустить, что он положит начало самой продолжительной и глубокой депрессии века.

Итоги грюндерского бума, несмотря на все его пороки, были все же удивительными. За три года в Германии было построено такое количество сталелитейных заводов, доменных печей и машиностроительных фабрик, какое появилось там за предшествовавшие 70 лет. Возникло 843 новых акционерных общества, активы которых составили 2,8 млрд. марок. Численность населения

Берлина почти достигла миллионной черты, и немцы впервые испытали то чувство, которое почти столетие спустя Людвиг Эрхард охарактеризовал словами: «Мы снова кое-что значим».

Казалось, везде им сопутствовала удача: на полях сражений и на бирже, на мировых рынках и в сферах высокой политики. Вековая цель немцев, а именно обогнать Англию в экономическом отношении, была уже близка. А потом наступил полный крах, и голубые мечты были развеяны в одну ночь. Обанкротились 61 банк, 116 промышленных предприятий и 4 железнодорожных общества. Курс акций на бирже падал в бездонную пропасть, и еще в 1876 г. он находился на 50% ниже котировок периода грюндерского бума до февраля 1873 года.

Банкир Герсон Бляйхредер, благополучно переживший кризис, считал, что во время биржевого краха была потеряна Уз национального богатства Германии. В Берлине пустовали десятки тысяч квартир, и многочисленные домовладельцы были не в силах погасить кредиты. Германия, которая, казалось, совсем недавно уверенно шла по пути

к богатству, стояла на грани экономической катастрофы.

«Нечто более страшное, чем смерть»

Никто больше не хотел ни во что вкладывать деньги, никто больше не хотел ничего покупать. Фирмы сидели на горах непроданных товаров и вынуждены были снижать на них цены, о прибылях и дивидендах уже давно не было и речи. Производство резко сократилось, число безработных непрерывно росло, а заработная плата и жалованье сокращались.

Ужас, пронизавший в то время немецких буржуа до мозга костей, наглядно описан Томасом Манном в его романе «Будденброки» о семье торговцев из Любека. Вот как описывает автор тот момент, когда Тони Будденброк узнает о банкротстве своего мужа: «В эту минуту перед ее глазами прошло все, что заключало в себе слово «банкрот», все, что она, еще будучи ребенком, ощущала как смутное и ужасное... «Банкрот»... Это было нечто более страшное, чем смерть, это означало смятение, крах, позор, стыд, отчаяние и нищету».

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ЕВРЕИ»

Годы лишений и нужды в период великой депрессии, длившейся до 1896 г., способствовали формированию в Германии ряда тенденций, чреватых тяжелыми последствиями. Одной из самых роковых был зародившийся после грюндерского краха антисемитизм. Как это нередко случалось в германской истории, евреи в тяжелые для народа годы становились настоящими козлами отпущения. Еще со времен раннего средневековья периодически наблюдались вспышки ненависти к евреям. Как правило, это были периоды тяжелого экономического положения.

Вот и на этот раз была поднята антисемитская возня. Причина тому — значительные успехи, достигнутые гражданами еврейского происхождения в годы грюндерства. С повышением конъюнктуры начался активный приток евреев из Восточной Европы в Германию, и многие из них осели в центрах экономической жизни страны. После большого грюндерского краха в Германской империи насчитывалось около 700 тыс. евреев, причем 500 тыс. человек проживало в одной Пруссии. В то же самое время в несравненно большей по своей площади королевско-императорской австрийской монархии их было всего 200 тыс. (Во Франции в ту эпоху проживало всего 80 тыс. евреев, в Великобритании — 50 тыс., в Италии — 40 тыс., в Дании — 5 тыс., в Швеции — 1 тыс.) В 1876 г. только в Берлине насчитывалось около 50 тыс. евреев, т.е. столько же, сколько во всей Великобритании.

Гораздо больше, чем сама численность граждан еврейского происхождения, немцев пугала их сноровистость в обращении с деньгами и капиталами. После биржевого краха берлинские газеты печатали казавшиеся достоверными сообщения о том, что почти 90% «грюндеров были евреями. И действительно, в биржевых проспектах акционерных обществ было полным-полно еврейских фамилий, а бизнесмены-«арийцы» па берлин-

ской бирже представляли собой «скорее исключение. Самые роскошные виллы в Тиргартене принадлежали евреям, самые известные фамилии финансовой аристократии звучали по-еврейски, большинство газет империи издавалось евреями, а о богатстве таких еврейских магнатов, как Ротшильды. Герсон Бляйхредер. Людвиг Бамбергер или Абраам Оппенгейм, в народе ходили легенды.

Капитализм так и не понял

Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие разочарованные немцы, потерявшие после биржевого краха свои состояния, были готовы спихнуть всю ответственность за свои несчастья на темные семитские силы. Иными словами, немцы так толком и не поняли, что же такое капитализм. Текучесть денег, цикличность экономического развития, накопление огромных состояний, трудности постижимые биржевые законы, махинации и уловки торговли ценными бумагами на бирже — все это было загадкой для основной массы населения, в то время как куда более малочисленная группа еврейских биржевиков и бизнесменов, очевидно, хорошо разбиралась во всем этом. Многочисленная группа легковых людей, поверившая щедрым посулам грюндеров, теперь считала себя невинной жертвой громадного заговора, за кулисами которого стояли те самые курчавые, горбоносые банкиры еврейского происхождения. «Доказательства» верности таких теорий, рождавшихся за столами завсегдатаев в пивных, не замедлили предоставить такие журналисты, как Отто Лагау, Фердинанд Перро, Георг Хирт и Рудольф Майер, которые в своих статьях, разоблачавших закулисные стороны различных махинаций, никогда не забывали намекнуть и на еврейских зачинщиков. Тогда же родилась отвратительная идея о тайном заговоре евреев против немецкого народа, которую десятилетия

спустя использовал Адольф Гитлер для превращения в жизнь своего «окончательного решения».

Вместе с ненавистью к евреям пришло и глубокое недоверие к современному капитализму. Немцы, которые еще не так давно верили, что несколько акций могут оказаться билетом в страну с молочными реками и кисельными берегами, теперь и слышать ничего не желали о деньгах или о бирже. Публицист и философ, сын лютеранского пастора Константин Франц выразил чувства немцев того периода следующими словами: «Истинно, весь мир — это сплошной обман».

Идея о еврейском заговоре

Консерватор, формирующий общественное мнение, обрушивался с нападками на экономический либерализм О. Бисмарка, на «англосаксонский» прагматизм мышления немецких предпринимателей, на «измену христианству и возврат к новому язычеству». «Кто же, собственно говоря, правит в новой империи? И чему же служили победы под Садовой (Кенигтрэтц) и Седаном, ради чего захватили миллиарды в качестве трофея, ради чего Бисмарк боролся с католической церковью, если не ради установления еврейского господства?» Критики Бисмарка саркастически рекомендовали в будущем печатать на банкнотах не голову императора, а изображения еврейских банкиров, таких, как Бляйхредер или Ротшильд: «Тогда каждому станет ясно, кто правит современным обществом».

Ненависть к евреям олицетворял в своем лице бывший ландграф¹, кавалер ордена *Pour le mérite* Отто фон Дист-Дабер, который уже в 1870 г. начал открыто критиковать связи О. Бисмарка с его банкиром Герсоном Бляйхредером. Необходимую информацию поставлял Герман фон Тиле, в прошлом секретарь Бисмарка. Дист-Дабер считал Бляйхредера душой заговора евреев, которые втянули рейхсканцлера в свои сети и превратили его в послушное орудие осуществления своих коварных намерений. Тогда речь шла о сомнительных сделках с прусским «Цент-

раль-боденкредит АГ», на которых канцлер, следуя советам своего банкира, заработал более 100 тыс. талеров. Бляйхредер управлял не только личным состоянием канцлера, на которое он якобы начислял ежегодно 18%, но и, по распоряжению О. Бисмарка, так называемым Гвельфским² фондом в 16 млн. талеров, из которого Бисмарк мог черпать средства для осуществления политических маневров по своему усмотрению, не испрашивая на то разрешения парламента. Депутаты от оппозиции в берлинском рейхстаге окрестили финансовые резервы канцлера «фондом пресмыкающихся»³, потому что он служил для вскармливания «рептилий», как О. Бисмарк однажды обозвал некоторых ганноверских журналистов.

Союз Бисмарка с «грязным евреем»

Странный альянс между самым могущественным человеком Европы и «грязным евреем», как его называл старший сын Бисмарка Херберт, не могли понять даже многие друзья «железного канцлера». Но Бисмарк очень хорошо знал, что ему нужно было от преданного банкира. Герсон Бляйхредер, родившийся в 1822 г. в Берлине, безусловно, был финансовым гением. Его отец Самуэль в 1803 г. открыл на Розенталер штрассе небольшую меняльную лавку и с 30-х годов работал агентом семейства Ротшильдов, в то время самых богатых и влиятельных банкиров в мире. Когда он в 1855 г. умер, он уже был весьма состоятельным и авторитетным частным банкиром.

В 1839 г. Герсон вступил в банк отца, быстро получил генеральную торговую доверенность и после смерти Самуэля взял в собственные руки ведение всех дел. В 1860 г. в банке Бляйхредера работало 22 служащих, а их хозяин платил налог с годового дохода, равного 23 333 талерам. В возрасте 39 лет он получил первый орден — «*Rotter Adler*» четвертой степени. Герсон всячески развивал связи с Ротшильдами, установленные еще его отцом, и именно благодаря их посредничеству сумел войти в контакт с О. Бисмарком.

1. Ландграф [нем. Landgraf] — в средние века — титул некоторых властительных князей в окончательно исчез во 2-й половине 19 в.

2. Гвельфы [ит. guelfi] — в Италии 12...15 вв. — папская партия, борováвшаяся против германских императоров и их сторонников в Италии — гибеллинов; к гвельфам принадлежали, преимущественно, торгово-ремесленные слои.

3. «Reptilienfond» («фонд пресмыкающихся») — секретный фонд для вознаграждения продажных журналистов.

Еще занимая пост прусского посланника в Германском союзе, будущий рейхсканцлер познакомился во Франкфурте-на-Майне с бароном Мейером Карлом Ротшильдом и сразу же по достоинству оценил этого человека. Когда в 1862 г. в Берлине король Вильгельм I, будущий император, назначил его главой прусского правительства, он начал поиски равно способного и преданного банкира, которому он мог бы доверить свои личные денежные дела. Поэтому он обратился за советом к франкфуртскому Ротшильду, и Мейер Карл порекомендовал ему молодого Бляйхредера.

«Раболепная угодливость»

Об умении О. Бисмарка разбираться в людях говорит тот факт, что он сумел разглядеть положительные качества вечно выглядевшего несколько неуклюжим банкира, который в конце 1862 г. нанес ему свой первый визит. Сорокалетний, наполовину ослепший Бляйхредер сблизился с решительным, архиконсервативным прусским юнкером, как говорится, с «раболепной угодливостью», хотя в то время он уже принадлежал к числу наиболее влиятельных банкиров Берлина.

За год до назначения О. Бисмарка Бляйхредер приобрел в Берлине на Беренштрассе, 63, внушительное здание, в котором разместились и банк, и отделанная со всем блеском и роскошью грюндерских лет частная квартира. Банк Бляйхредера находился недалеко от биржи, а также в двух минутах ходьбы от замка и будущей резиденции Бисмарка на Вильгельмштрассе. Благодаря отличным отношениям с Ротшильдами и умелому осуществлению операций еще до начала работы у Бисмарка среди клиентов быстро росшего банкира числились многие высокопоставленные сановники двора, представители дипломатической службы, промышленники и люди искусства, такие, как Рихард Вагнер и его будущая супруга Козима фон Бюлов.

Хотя в то время новоиспеченный премьер-министр Пруссии и не был бедным человеком, но и состоятельным его тоже нельзя было назвать. В 1855 г. он унаследовал от отца обремененные крупными долгами поместья Шенхаузен и Книпхоф, которые он тут же сдал в аренду, едва начав заниматься политикой. Доходы от этой аренды не превышали 3,5 тыс. талеров в год. Его жалование

как посланника в Петербурге составляло 30 тыс. талеров в год. Но Бисмарку приходилось здесь нести большие расходы на представительство.

Юнкер и деньги

С переездом в Берлин доходы Бисмарка сократились наполовину — премьер-министр Пруссии получал ежегодно всего 15 тыс. талеров и имел весьма скромную служебную квартиру. Расходы же юнкера были какими угодно, только не скромными, так что у Бисмарка было больше долгов, чем поступлений. Американский историк Фриц Стерн, издавший о Бисмарке и его банкире Бляйхредере книгу под названием «Золото и железо», так описывал будущее отношение Бисмарка к денежным делам: «Как любой человек, который когда-либо пережил тревоги, связанные с безденежьем, Бисмарк так и не смог заставить себя жить легко и свободно и в глубине души верить в то, что он мультимиллионер, которому не страшны потери, налоги и последствия бесхозяйственности. В своем отношении к деньгам, так же как к власти или дипломатии, Бисмарк был в высшей степени реалистом. Он считал также, что собственность — это лучшее полномочие, позволяющее заниматься политической, и что способ обращения с деньгами позволяет судить о характере человека».

Итак, по собственному признанию, у юнкера в молодые годы был довольно плохой характер. Порядок в его имущественном состоянии был наведен только тогда, когда им занялся Бляйхредер. И будучи не в состоянии умерить страсть Бисмарка тратить деньги, он проявлял тем большую заботу о его доходах: иногда он предоставлял далеко не наивному в денежных делах премьер-министру ссуду для совершения особенно выгодной покупки, а иногда от его имени спекулировал акциями.

Политика и бизнес тесно переплетены

Если потери оказывались неизбежными, то заботливый банкир брал их на себя, в то время как прибыли он записывал на им же самим управляемый счет Бисмарка. Первые состояние премьер-министра заметно увеличилось в 1865 г. В благодарность за по-

беду в шестинедельной войне с Данией Вильгельм I даровал, ему графский титул и позаботился о том, чтобы ландтаг не возражал против выплаты герою премии в размере 400 тыс. талеров (по сегодняшней покупательной силе денег это соответствует почти 7 млн. западногерманских марок). С этих пор состояние политического деятеля росло прямо-таки неприличными темпами, и нередко частные сделки государственного деятеля самым тесным образом переплетались с его политическими маневрами. Когда королевство Пруссия решило расстаться со своей долей акций Кельнско-Минденской железнодорожной компании, одним из первых частных лиц об этом узнал банкир Бисмарка Бляйхредер, который незамедлительно приобрел значительное количество этих акций для своего самого знатного клиента. В ситуации противоположного характера О. Бисмарк также наживался на проводимой им политике. В 1878 г. прусское правительство решило национализировать частные железные дороги, и премьер-министр, разумеется, прекрасно знал, какую цену государство было готово платить за это. А так как она была выше тогдашнего биржевого курса, Бляйхредер по поручению Бисмарка опять-таки приобрел большое количество железнодорожных акций.

Изрядные прибыли от таких сделок банкир в большинстве случаев вкладывал в надежные ценные бумаги с твердым процентом. Впрочем, процентных поступлений от этих вложений никогда не хватало бы для обеспечения ежегодных доходов в размере 18%, которые Бляйхредер записывал на счет своему видному клиенту. Следовательно, должны были существовать какие-то другие, спекулятивные вложения. Бисмарк редко вникал в операции, которые осуществлял за него его банкир. Только в одном случае он четко высказывал свое мнение — при покупке новых земель.

Юнкер, некогда имевший большие долги, оказался ненасытным покупателем недвижимости. С помощью Бляйхредера он добавил к полученным в наследство землям в начале громадное поместье Варцин площадью 9,2 тыс. моргенов с кирпичным заводом и фабрикой, производящей известь, а также две соседние латифундии, площадь земельных угодий которых составляла 12,9 тыс.

моргенов. Еще более значительными были приобретения Бисмарком земельных угодий после победы над Францией. Вильгельм I, в то время ставший императором Германии и знавший о «земельном» голоде своего канцлера, подарил ему 21 марта 1871 г. Заксенвальд близ Гамбурга, уже тогда крупнейший лесной массив Пруссии. Столетие спустя площадь этой земли, которая и сегодня делает потомков князя богатейшими людьми Германии, оценивалась в 27 665 моргенов. Ее теперешняя стоимость составляет, по оценкам, почти 2 млрд. марок.

В действительности он был еще богаче

Насколько неразборчивым был «железный канцлер», когда речь шла об извлечении личной выгоды из политических маневров, настолько мелочным он становился, когда его звали к ответу казна. В 1870 г. он был определен в 18-й разряд налогообложения. Это означало, что чиновники налогового управления оценивали его годовой доход, с которого предстояло взимать налог, в 32...40 тыс. талеров». На такие деньги можно было существовать вполне прилично, так как в те годы среднегодовой доход на душу населения Пруссии составлял всего 116 талеров. Несмотря на это, скупой премьер-министр заявил протест и не успокоился до тех пор, пока финансовые чиновники не согласились брать в расчет его собственные данные, а именно 24,5 тыс. талеров.

Чувство реального, никогда не покидавшее Бисмарка, если речь шла о наживе, и приносившая прибыль забота со стороны его банкира с годами сделали канцлера самым богатым человеком в стране. Когда он в 1890 г. оставил службу, в его собственности находилось 64 тыс. моргенов земли реальной рыночной стоимостью около 6 млн. марок. По последней проверке его портфеля ценных бумаг в банке Бляйхредера, состоявшейся 31 декабря 1890 г., активы составили 1,216 млн. марок. В действительности же канцлер был еще богаче, так как около 300 тыс. марок он перевел на имя своей жены Иоганны и ровно столько же на имя старшего сына Херберта. В целом состоянии Бисмарка, по-видимому, составляло тогда около 8 млн. марок.

Целенаправленная дезинформация

Неприступный олимпиец, каким воспринимали его современники, слишком хорошо знал, зачем ему нужны доверительные отношения с презираемым многими его коллегами по сословию «биржевым евреем». Союз с Бляйхредером отличался не только финансовой стороной. Бисмарк, которому было прекрасно известно, сколь тесные связи поддерживает Бляйхредер с Ротшильдами, нередко использовал его в политических целях. Банкир снабжал его информацией, которую не в состоянии были получить ни прусская секретная служба, ни дипломатический корпус. Вместе с тем через Бляйхредера, а следовательно, Ротшильдов О. Бисмарк распространял слухи, предназначавшиеся для правительств в Лондоне или Париже. И в других вопросах эти столь неравные люди оказывали друг другу необходимые услуги. Когда Эдуард Ласкер разоблачил грюндерские махинации в палате депутатов рейхстага и обвинил в коррупции тайного коммерции советника Германа Вагенера, в дело вмешался Бляйхредер и кредитами помог другу Бисмарка, оказавшемуся в тяжелом финансовом положении. Другому протееже канцлера графу Хатцфельдту-Вильденбургу, погрязшему в долгах, он пробил хорошо оплачиваемую должность в наблюдательном совете металлургической компании «Ферайнигге Кенигс-унд Лаурахютте». Несравненно более ценной была дружеская услуга, оказанная Бляйхредером государственному деятелю, когда он приобрел известное «Вольфше телеграфенбюро» и преобразовал его в акционерное общество «Континенталь-телеграфенкомпани», капитал которого был установлен в размере 333 тыс. талеров. Отныне это предприятие стало занимать монопольные позиции в системе связи Германии и благодаря его финансовой поддержке успешно отражало все попытки иностранных конкурентов, агентств Рейтер и Гавас, проникнуть в эту сферу.

По настоянию Бляйхредера «Телеграфенкомпани» заключило с прусским государством договор сроком на 10 лет, по которому правительству предоставлялось право просматривать все телеграммы еще до того, как они поступали на телеграфную станцию. Кроме того, правительство могло настаивать на увольнении «ненадежных» коррес-

пондентов и назначать одного представителя в наблюдательный совет предприятия. Вместе с телеграфной сетью Вольфа О. Бисмарк, по мнению многих историков, располагал решающим средством воздействия на прессу, а также надежным каналом распространения пропагандистских материалов.

«Во всем блеске и мерзости»

Бляйхредер со своей стороны был обязан Бисмарку колоссальным ростом своего престижа. Его беспрепятственный доступ к средоточию власти — банкир бывал у канцлера на Вильгельмштрассе три или четыре раза в неделю — сделал его наиболее осведомленным частным лицом в Берлине и ярчайшей звездой на финансовом небосклоне. Благодаря поддержке Бисмарка Бляйхредер стал не только самым видным буржуа еврейской национальности в Германской империи, но и прототипом социальной выскочки или, как говорили в те времена, парвеню.

Историк Фриц Стерн очень тонко замечает: «Жизнь Бляйхредера весьма характерна для XIX в. — жизненный путь богатого буржуа во всем его блеске и мерзости». Отталкивающим был образ жизни дисциплинированного и мудрого в делах человека, так и не пожелавшего смириться с тем, что он при всей своей добропорядочности никогда не считался одним из своих теми, кто держал в своих руках реальную власть в империи, в том числе и самим О. Бисмарком.

Хотя Бляйхредер и не был грюндером в собственном смысле этого слова, он, пожалуй, как никто другой, воплощал в своей фигуре все возможности и противоречия грюндерских лет. Проявляя инициативу и ум, он финансировал строительство железных дорог и промышленных предприятий, учреждал акционерные общества и организовывал государственные займы. И все же своим взлетом он был обязан прежде всего умению приспособливаться к существующим условиям. Хотя он лучше, чем его коллеги, понимал особенности индустриальной эпохи, ему все равно не доставало признания со стороны вечно вчерашних: мелких помещиков и героев войны. Он удивительно походил на карикатуру «мерзкого еврея», черты которого Людвиг Бамбергер, один из основателей «Дойче банк» и виднейший наряду с Эдуардом Ласкером член парламента еврейской

национальности, описывал так: «Настойчивость и бестактность, жадность, бесцеремонность, тщеславие и отсутствие понятия о чести, духовное убожество и раболепие».

Икру ели ложками

Бляйхредер пошел вначале в услужение к могущественным Ротшильдам, а затем и к еще более могущественному Бисмарку. Он жаждал орденов и титулов. Его кельнский коллега, банкир Абраам Оппенгейм писал по этому поводу: «Ваша грудь, по-видимому, может не вместить всех высоких наград, полученных при поддержке различных влиятельных особ».

Когда полуслепой банкир наряжался в свой парадный костюм, то на отворотах его фрака сверкали баварские, австрийские, российские, французские и бразильские ордена. Вечерние приемы в его дворце на Беренштрассе считались самыми богатыми в Берлине. «Все должно было быть только самого высокого качества: гости, угощения и развлечения,— восторгался Фриц Стерн.— Заморские яства и напитки поставлялись из самых удаленных уголков Европы. У ворот дома выставляли двух полицейских для регулирования движения».

На торжествах у Бляйхредера во время танцев играли самые дорогие музыканты тех лет, например скрипач-виртуоз Пабло де Сарасате или придворная пианистка Есипова. Икру в его доме ели ложками, поскольку банкир имел собственную службу курьеров, ежедневно доставлявшую ему это лакомство с берегов Каспийского моря. Так что он всегда мог побаловать вкусы столь престижных гостей, как О. Бисмарк, или таких деловых партнеров, как Ротшильды, свежей спаржей, экзотическими фруктами или паштетом из гусяной печени. Поскольку холодильников тогда еще не было, то можно себе представить, что приобретение таких скоропортящихся деликатесов было делом весьма и весьма дорогостоящим.

Ленбах требует двойную цену

Хорошо и дорого поесть было в эпоху грюндерства излюбленным символом положения растущего класса, а разбогатевших евреев никто не мог в этом перещеголять. Еще одним престижным объектом было искусст-

во, и Бляйхредер пытался преуспеть и здесь, хотя, по свидетельству современников, нисколько в нем не разбирался. Для своего городского дома финансист дал указание обработать тонны ценнейшего каррарского мрамора, а самый дорогой художник того времени Франц фон Ленбах сначала написал по его заказу портрет Бисмарка, а затем и его собственный. Бисмарк, которому это, очевидно, пришлось не по нраву, осыпал банкира насмешками, рассказывая всем и каждому, что Ленбах запросил за портрет Бляйхредера вдвое больше, чем за портрет Бисмарка. Художник якобы объяснял это тем, что писал канцлера «с любовью». Во всяком случае, Бляйхредеру пришлось заплатить за свой портрет 30 тыс. марок. Известному скульптору Райнольду Бегасу он заказал проект надгробного памятника, который должен был обойтись ему в 75 тыс. марок.

Банкир, для которого в центре зала Берлинской биржи была зарезервирована постоянная ниша (точно так же Натан Мейер Ротшильд имел на Лондонской бирже свою привычную стойку), считал себя уже на вершине социального подъема, когда 8 марта

1872 г. император Вильгельм I возвел его в родовое дворянское достоинство. «Биржевой еврей», по словам Фридриха Ницше «вообще отвратительное изобретение человеческого рода», достиг того, что не удавалось до него никому из не обращенных в другую веру семитов Пруссии.

Друзья императора спасены от позора

Пожалование Бляйхредеру дворянского титула, которое произошло по настоятельной просьбе Бисмарка, было воспринято в Берлине как сенсация. Бляйхредер сразу стал самым высоким по рангу евреем в Германии, и радость от этой мысли была омрачена только тем, что его крупнейший конкурент Адольф Ханземан, глава «Дисконто-гезельшафт», получил дворянство одновременно с ним. Причина присвоения дворянского титула обоим банкирам была типичной для отношений, господствовавших в Германии XIX в.: Бляйхредер и Ханземан спасли от оскорблений и позора нескольких представителей господствующего класса.

Высокопоставленные лица, о которых идет речь, были близкими друзьями Вильгельма I и Бисмарка. Это были князь Путбус (по прозвищу Капутбус), герцоги фон Ратибор и Уйест, а также граф Лендорф, флигель-адъютант императора. Эти господа поддались на уговоры удивительного железнодорожного короля Штроусберга взять на себя поручительство за гигантские проекты в Румынии. Однако трансильванское предприятие Штроусберга переросло в полную неразбериху, и знатных поручителей не позднее 1871 г. ожидало полное банкротство. По просьбе императора Бляйхредер взял на себя улаживание румынских дел и оздоровил финансы неопытных в деловом отношении друзей Бисмарка.

«Не включайте лиц буржуазного происхождения»

После получения дворянского титула желание миллионера как-то проявить себя приобрело прямо-таки уродливые черты. Это событие ему хотелось отметить самым грандиозным торжеством, какое когда-либо видел Берлин. И все еще отрезанный от истинного «высшего света» парвеню наконец-то получил надежду принять у себя самую отборную часть сливок общества. Придворный чиновник, которого он попросил составить список приглашаемых офицеров, рассказывал позднее, что новоиспеченный дворянин посоветовал: «Не включайте, пожалуйста, лиц буржуазного происхождения, хотелось бы быть только среди своих».

А когда капитан гвардейского полка все же привел с собой своего коллегу-буржуа, на торжестве разразился скандал. Бляйхредер отвел офицера в сторону и сделал ему выговор: «Мой дорогой, нельзя же опускаться так низко». По знаку капитана все присутствовавшие офицеры поднялись со своих мест и покинули дом. Баронесса Хильдегард фон Шпитцемберг записала в своем дневнике: «Самые лучшие полки объявили бойкот дому Бляйхредера». Вот почему на протяжении нескольких последующих месяцев банкир не мог давать «официальных» балов. А еще шесть лет спустя светская львица Мария фон Бунзен отмечала: «Блестящий праздник устроил также Бляйхредер... Общественное положение Бляйхредера было, если хотите, превосходным, но все же поучи-

тельным. Почти весь аристократический и официальный Берлин прибыл к нему в гости с тем, чтобы, извинившись, вскоре уйти».

Даже Вильгельм Кардорф, еще один друг О. Бисмарка, которому Бляйхредер не раз помогал выпутываться из неприятностей, оплачивая его долги, подшучивал над банкиром в письме к жене: «Вчера вечером был на большом концерте и балу у Бляйхредера. После концерта состоялся торжественный ужин, а затем бал, на котором, как мне кажется, было слишком мало мужчин, особенно офицеров...»

Дворянство игнорирует парвеню

Как парвеню ни старался, высшая знать Берлина ни на минуту не желала признавать его за своего. Почти в отчаянии этот выскочка пытался подражать образу жизни своих идиолов, значительно уступавших ему в деловом отношении. У бывшего фельдмаршала Роона он по сильно завышенной цене, 1,29 млн. марок, приобрел поместье Потерготц, расположенное всего в семи километрах от королевских дворцов Потсдама, где его однажды, правда всего на час, посетил сам император.

Собственных родственников и почти всех остальных евреев Бляйхредер принципиально не включал в число приглашенных. Баронесса Шпитцемберг язвительно заметила: «Аристократ гордится своими предками, парвеню стыдится их». Из-за разрыва с соплеменниками имя Бляйхредера в 1874 г. даже попало в полицейские протоколы. На берлинской Зигесаллее возникла сумятица, когда один еврей во время прогулки спросил банкира, почему тот не ходит по западной стороне улицы, как все остальные сыновья Израиля. На это Бляйхредер ответил: «Там слишком сильно пахнет чесноком».

Афера совсем другого рода омрачила последние годы жизни банкира, который скончался от отека легких 19 февраля 1893 г. в возрасте 71 года. Он оставил после себя состояние как минимум в 40 млн. марок — в конце жизни он оценивал свой годовой доход в 3,34 млн. марок, — т.е. он считался самым богатым человеком Берлина. На первый взгляд речь шла о коротком романе стареющего денежного короля, в действительности же ставший чересчур богатым и слишком могущественным еврей вновь оказался у позорного столба.

Неприятное дело с невзрачной женщиной

Скандалная история началась еще в 1868 г., и причиной ее было просительное письмо некоей Доротеи Кронер. По словам современников, эта далеко не красивая и не особенно умная вдова закройщика имела несколько лет назад короткую связь с Бляйхредером. Теперь она требовала денег под тем предлогом, что ее брак распался якобы после того, как ее супруг застал банкира в их доме.

Только много позже выяснилось, что все это не соответствовало действительности, так как брак закройщика был расторгнут из-за его же собственных промахов и ошибок.

Бляйхредер обратился за помощью к своему другу Гвидо фон Мадай, полицай-президенту Берлина. Тот поручил начальнику управления полиции фон Дригальски начать переговоры с Кронер. Была достигнута первая договоренность: Бляйхредер выплатил своей бывшей возлюбленной отступные, и она заявила о своем согласии переехать в Копенгаген и никогда больше не досажать своими требованиями банкиру. К несчастью Бляйхредера, в поездке ее должен был сопровождать подчиненный Дригальски некто Хуго фон Шверин. Позднее за служебные проступки этот полицейский чин был уволен со службы и в досаде попытался отомстить своему бывшему начальнику, предложив свою помощь Кронер, которая спустя два года опять вернулась в Берлин.

Скоро на Беренштрассе, 63, стали приходить новые вымогательские письма, и, хотя начальник полиции неоднократно делал предупреждения Доротее Кронер, она продолжала свою кампанию против банкира. В апреле 1880 г. она предъявила Бляйхредеру иск на выплату ей 18 тыс. талеров. Банкир был вызван в суд, где он под присягой дал следующее показание: «Я клянусь, что тот факт, будто бы я подписал документ, в котором взял на себя обязательство пожизненно выплачивать истице ежемесячно по 30 талеров, а также по 25 талеров к каждому из четырех еврейских праздников и, кроме того, выделить отступные ее детям, не соответствует действительности».

«Клятва еврея...»

Клятва, произнесенная публично, превратила частное дело в скандал. Наставляемая фон Шверинем, которому она пообещала 10% тех денег, которые ей удастся выжать из Бляйхредера, Кронер теперь уже обвиняла банкира в даче ложного показания. Тут Бляйхредер забеспокоился, потому что в этом случае вынесение приговора грозило ему тюремным заключением. Наконец, через посредника он предложил своей бывшей возлюбленной громадную сумму — 75 тыс. марок. Доротея Кронер приняла ее и забрала свой иск назад. Своему сообщнику Хуго фон Шверину она не заплатила обещанных 10%, отчего Бляйхредеру пришлось еще раз взяться за кошелек. Однако 6 тыс. марок, которые он передал обиженному экс-полицейскому, по всей видимости, не хватило для успокоения его самолюбия. Шверин принялся бомбардировать прусское министерство юстиции петициями, в которых обвинял прокуроров, судей и даже самого министра в коррупции. Дело постепенно приобрело политическую окраску, и в конечном счете о нем вынуждены были проинформировать даже самого императора. Но по-настоящему Шверин развернулся только тогда, когда вошел в контакт с депутатом Германом Альвардтом, которого историк Фриц Стерн отнес к числу «мастеров грязных махинаций». Альвардт, выразитель антисемитских настроений в парламенте, понял, что он может с политической выгодой использовать дело Бляйхредер — Кронер. Вскоре появился памфлет под названием «Клятва еврея», в котором Бляйхредер был представлен мрачным злодеем, Доротея Кронер — невинной жертвой, а государственные органы — продажными правонарушителями. Опус заканчивался призывом: «Долой евреев из нашей юстиции!..»

Материал для бесчисленных подстрекательских статей

Пресса заинтересовалась этим делом, и Форвертс, ведущий орган социал-демократов, изливал желчь: «В данном случае нас волнуют не частные любовные похождения барона фон Бляйхредера, этого биржевого царька, этой примадонны в хороводе вокруг золотого тельца. Но Альвардт в своем опусе выдвигает обвинения против берлинской полиции, которой Бляйхредер, пытаясь замять

дело, позолотил ручку. Здесь под вопросом стоят уже общественные интересы».

Этот случай дал материал для многочисленных статей, его открыто обсуждали на публичных сборищах антисемитов. Прокурору пришлось вновь заняться им, поскольку прусский министр юстиции потребовал перепроверки обстоятельств дела, хотя даже мнимая дача ложных показаний Бляйхредером подпала под действие закона о сроке давности. Поток намеков и клеветы не иссякал до тех пор, пока банкир не отошел в мир иной. Но даже на похоронах начальник полиции считал нужным скрыто выставить полицейскую охрану, поскольку можно было ожидать выступлений со стороны антисемитски настроенных дебоширов.

«Евреи – наше несчастье»

Впервые понятие «антисемитизм» было публично произнесено в 1879 г. Предполагают, что его избрал журналист Вильгельм Марр, вне всяких сомнений фанатик расовой дискриминации. К этому времени антисемитизм в Германии превратился в мощное движение, сторонниками которого были представители самых различных слоев населения. «Пролетариев в белых воротничках», мелких служащих и чиновников деловитость евреев пугала не меньше, чем многочисленных ремесленников и лавочников. И не без причины. В 1885 г. евреи составляли 10% прусского студенчества, что в семь раз превышало пропорции между численностью граждан данной национальности и общей численностью населения страны.

В Берлине на их долю приходилось всего 3% населения города. Но уже каждый второй предприниматель столицы был иудейского вероисповедания. Даже помещики и крупные аграрии, число которых не превышало 25 тыс. человек, но которые тем не менее представляли в политическом отношении чрезвычайно мощную группу, во многом способствовали разжиганию антиеврейских настроений. Их архиконсервативный Союз сельских хозяев обрушил свою критику на «безнравственность контролируемого спекулянтами-евреями мобильного капитала». Оседлую верхушку населения Пруссии очень тревожила мобильность и маневренность сов-

ременного капитализма, а воплощение этих черт они видели в еврейских банкирах типа Ротшильдов. Бляйхредеров и Оппенгеймов.

Масштабы враждебного отношения к евреям росли также и в среде интеллигенции. Правда, антисемитизм сновов и имел на себе известный налет эстетизма и мистицизма, доступных исключительно посвященным. Под влиянием таких столпов общества, как композитор Рихард Вагнер, историк Хайнрих фон Трайчке или писатель Пауль де Лангард, они поклонялись весьма расплывчатым идеалам, были настроены консервативно, выступали против всего нового. Свое политическое пристанище все эти штудиенраты¹ и профессора находили в Немецкой консервативной партии.

Показательными для образа мышления тех людей были идеи, высказанные в конце 1879 г. Хайнрихом фон Трайчке во влиятельном альманахе "PreuBische Jahrbucher": «Бесспорно, что смиты породили сплошной обман, бесцеремонную алчность грюндеров-чудовищ, что в большой мере они ответственны за презренный материализм наших дней, который любой труд рассматривает только как сделку и который грозит навсегда покончить с активным трудовым энтузиазмом нашего народа; в тысячах немецких деревень живет еврей, который наживается, скупая продукцию у своих соседей... Отовсюду, включая круги лиц, занятых в системе высшего образования, в среде деятелей, готовых с возмущением отместить от себя любую мысль о религиозной нетерпимости или национальном высокомерии, в один голос звучит сегодня клич: «Евреи – наше несчастье!»

Придворный проповедник Штеккер развертывает агитацию

Если Трайчке, так сказать, ввел антисемитизм в салоны буржуазного общества, то право стать подлинным выразителем мнения юдофобов тогдашней Германии присвоил себе придворный проповедник-евангелист и основатель Христианско-социальной рабочей партии Адольф Штеккер. Священник намеревался возвратить рабочих в лоно церкви и монархии, но участие в выборах в рейхстаг в 1878 г. окончилось для него весьма плачевно: за него был подан всего 1% голосов.

1. От слова штудировать – [нем. studieren] – тщательно изучать что-л.

Штеккер, однако, не капитулировал, а начал домогаться расположения неорганизованного среднего сословия. И у обывателей одно из его сочинений, озаглавленное «Требования, предъявляемые к современному еврейству», находило все больший отклик.

Исключительно красноречивый проповедник быстро поднаторел в искусстве наживать политический капитал, играя на опасениях своей паствы. Когда в 1893 г. был избран новый состав рейхстага, из 397 депутатов шестнадцать публично объявили себя сторонниками антисемитизма. Перед необходимостью высказать свое мнение был поставлен, наконец, новый император Вильгельм II. В конце ноября было опубликовано официальное сообщение: «Император не одобряет действия придворного проповедника Штеккера. Он полагает, что история по-прежнему забудется, и считает это представление полезным, ибо оно должно сделать евреев более скромными».

Тем временем начали циркулировать первые расистские теории, сразу объявлявшие еврейскую нацию неполноценной. Правда, говорилось и о том, что в зрелые годы грядущего большинства немцев в действительности желали только одного, чтобы их еврейские сограждане не ставили постоянно под сомнение чувство собственного достоинства германской «расы господ». Август Бебель лаконично и убедительно охарактеризовал мнение своих современников: «Антисемитизм — это своего рода социализм глупцов».

Борьба Бисмарка против католической церкви

Вряд ли менее странным, чем волна антисемитизма, представляется, с точки зрения нашего современника, еще одно течение духовной жизни Германии периода грядущего: так называемый культуркампф. Эта борьба развернулась между рейхсканцлером О. Бисмарком и могущественной Национал-либеральной партией, с одной стороны, и католической церковью, а также находившейся под ее влиянием Партией центра — с другой. Речь шла — как, впрочем, и на протяжении многих столетий истории развития западноевропейских стран — о решении карди-

нального вопроса, кто могущественнее: папа или германский император?

Очередной раунд этой борьбы начался с провозглашения вновь избранным папой Пием IX подчеркнуто агрессивной политики, Острие опубликованных в 1864 г. папских энциклик «*Quanta cura*» и «*Syllabus errorum*» было направлено против принципов политического, культурного и хозяйственного либерализма. Шесть лет спустя, 18 июля 1870 г. Ватиканский собор постановил считать безошибочными те решения, которые папа принимают *ex cathedra*¹ по вопросам теологии и этики. И хотя последнее не представляло в принципе ничего нового для католиков, этот догмат вызвал в протестантской Пруссии тех лет неслыханные волнения.

Государственные деятели и либералы, задававшие тон в хозяйственной жизни, считали церковь и христианскую религию несовместимой с тем опытом который был накоплен современными естественными науками. Даже в рядах немецких католиков давало о себе знать сопротивление реакционным решениям Рима. Противники этих решений, во главе которых стоял Игнац фон Деллингер, специалист в области истории церкви, стали именовать себя старокатоликами. Церковь отреагировала на это очень резко. Она лишила мятежных священников права на преподавание, в некоторых случаях заводила речь об отлучении от церкви и требовала их увольнения с государственных должностей.

Арест епископов

Итак, О. Бисмарку подали сигнал к упорядочению отношений между государством и церковью. В качестве первого шага он упразднил католический отдел в прусском министерстве культуры. Это произошло в июле 1871 г. Чуть позднее был издан Закон о государственном надзоре за школьным образованием, которым все коммунальные и частные школы ставились исключительно под государственный контроль. Затем последовал «параграф о церковной кафедре» (§130а Уголовного кодекса), запрещавший священникам с церковной кафедры обсуждать государственные вопросы «в той форме, которая нарушит общественное спокойствие».

1. *Ex cathedra* лат. [экс катэдра] — букв. «с кафедры»; особенно авторитетно, непререкаемо (обычно иронически).

Наконец, наступил момент, когда удар следовал за ударом. Последовательно издаются Закон об ордене иезуитов, который запрещал деятельность всех отделений ордена на немецкой земле; Закон об экспатриации, предоставлявший правительству право принудительно выселять священников с территории империи; «Закон о корзинке для хлеба», заставлявший правительство перечислять католической церкви наличные деньги из государственной казны; Закон о монастырях, упразднивший в Пруссии отделения всех без исключения орденов. На основании этих уголовных законов все прусские епископы в 1876 г. были арестованы или высланы из Германии. Одновременно в законодательном порядке был введен гражданский брак.

И хотя О. Бисмарк непреклонно вел борьбу против католической церкви, она завершилась его поражением. В начале 1875 г. папа Пий IX объявил все прусские церковные законы недействительными. Тем, кто тем не менее выполнял требования этих законов, грозило отлучение от церкви. Число голосов избирателей, отданных во время выборов в рейхстаг в 1874 г. за кандидатов католической Партии центра, удвоилось. Католики становились тем крепче, чем больше они ощущали себя в опасности. Когда Бисмарк увидел, что церковь нельзя победить, он пошел на уступки и в 80-х годах заключил с духовенством мир. Ведь и канцлеру для проведения в жизнь своей политики протекционизма нужны были голоса депутатов католического центра.

Либерализм свое уже отслужил

Ничто так четко не выявляет те глубокие следы, которые оставила глубокая депрессия, последовавшая за крахом грюндерства, в сознании немцев, как переход в экономической политике от свободной торговли к протекционизму. Чем продолжительнее оказывался кризис, тем труднее было противостоять приверженцам свободного, открытого курса становившимся все более назойливыми требованиям заинтересованных групп установить таможенные границы и тем самым закрыть доступ иностранных товаров в страну.

Канцлер, который считал, что созданием Германской империи он достиг цели своих политических планов, и полагал, что отныне он имеет возможность править, не созда-

вая излишне сложных проблем, оказался захваченным врасплох наступлением длительного экономического кризиса. Бисмарк, никогда не разбиравшийся в экономике, не знал, что делать. И всегда, когда он не знал, что же ему следует предпринять, его охватывал физический недуг. Он страдал ревматизмом и опоясывающим лишаем. В мае 1875 г. Бисмарк вполне серьезно просил императора освободить его от должности.

Вильгельм I эту просьбу отклонил, и «великан из Заксенвальде» вынужден был волей-неволей продолжать исполнять свои обязанности. Политические деятели Отто Кампхаузен и Рудольф Дельбрюк, принадлежавшие к либеральному крылу правительства, энергично выступали за сохранение прежнего политического курса. Они опирались на большинство Национал-либеральной партии и доказывали что основная причина депрессии — перепроизводство в промышленности и что данная проблема сама собой решится с течением времени. Эти предшественники Людвиг Эрхарда уже тогда возлагали надежды на силы самоисцеления, якобы присущие экономике, и рассчитывали на очень скорое повышение конъюнктуры.

«Я всю ночь ненавидел»

Самые серьезные противники этих политических деятелей находились в рядах боссов тяжелой промышленности, которые в период грюндерского бума хорошо нажились на проводившейся в жизнь экономической политике. Теперь же их предприятия находились в упадке, нужно было сокращать производство, на повестке дня стояли массовые увольнения, а от сокращения заработной платы никуда не денешься. Промышленники энергично требовали проведения «национальной» экономической политики, что означало просто-напросто защиту от импорта товаров.

Предводителем протекционистов стал помещик Вильгельм фон Кардорф, Свободно-консервативная партия которого увеличивало число своих сторонников. Во время грюндерского бума Кардорф оказался участником всякого рода сомнительных сделок, вот почему с началом биржевого краха он повсюду таскал за собой гигантское бремя долгов. В 1877 г. ему пришлось продать свою конюшню скаковых лошадей, а в 1886 г. даже имение Вабницц, где постоянно проживала его семья.

Чтобы как-то подчеркнуть важность своих требований, предприниматели, которым кризис почистят кошельки, начали объединяться в крупные союзы. Первыми пример подали «сталевары», за ними последовали текстильщики, и, наконец, в 1876 г. был создан Центральный союз немецких промышленников, предшественник теперешнего Федерального союза германской промышленности. Кардорф стал президентом этого объединения, главная задача которого состояла в том, чтобы претворить в жизнь требования об установлении покровительственных пошлин.

В апреле 1876 г. первым среди либералов осознал свое бессилие Рудольф Дельбрюк, президент ведомства имперского канцлера и наиболее способный сотрудник Бисмарка. Сам канцлер находился в это время в жалком состоянии. Целые ночи он регулярно проводил без сна, сидя за письменным столом, и, как правило, начинал дремать около 8 часов утра. К своим делам государственный деятель приступал не раньше полудня. «Я всю ночь ненавидел», — имел он обыкновение рывкать в ответ своим сотрудникам, выразившим ему свою озабоченность.

«Зеленый фронт» марширует

Главную роль во всех кошмарах, преследовавших Бисмарка, играла супруга Вильгельма I императрица Аугуста, умная женщина, полностью осознававшая свою силу. «Эта баба плетет интриги против меня», — жаловался канцлер своим друзьям. Все плохие вести он связывал с происками своего заклятого врага. Но в действительности они не имели никакого отношения к основной проблеме — этому проклятому экономическому кризису. Ситуация в Рурской области внушала все больше и больше опасений: ряд крупнейших предприятий находился на грани краха. В 1877 г. на своем первом генеральном собрании промышленный союз продемонстрировал свою экономическую мощь. Из всей Германии для участия в нем прибыло 500 предпринимателей, чтобы подчеркнуть важность требований относительно установления протекционистских пошлин.

Архиконсервативные крупные аграрии, многие из которых во время грюндерского краха потеряли часть своего громадного имущества, вложенного в спекулятивные операции, и которые несли материальные потери

от быстрого падения цен на скот и зерно, в один голос поддержали требования протекционистов. Получавшие жалкие гроши за свой труд батраки массами уходили с их земель, в результате чего производилось все меньше сельскохозяйственной продукции с гектара земельных угодий. Кроме того, им приходилось противостоять на национальном рынке усиливающейся конкуренции зарубежных производителей продукции сельского хозяйства. Дело в том, что осуществление на протяжении последнего десятилетия либеральной экономической и торговой политики способствовало формированию и в аграрном секторе мирового рынка, который безжалостно «отделял плевелы от пшеницы».

По словам историка Ханса Розенберга, в среде крупных землевладельцев «зрела ярко выраженная ненависть к банкам и биржам, а также к капиталу, функционирующему в торговле продуктами сельскохозяйственного производства, и особенно к сделкам на срок, которые в основном считали «повинными» в тех трудностях, которые возникли в сельском хозяйстве». С середины 70-х годов представители «зеленого фронта» единодушно выступили против политики свободной торговли и вместе с крупными промышленниками потребовали закрытия таможенных границ.

Покушение на императора, решившее все проблемы

В идеологическом отношении об отходе от мировой торговли говорили осторожно, мягко, с намеками. «Германское сельское хозяйство — первый и важнейший промысел, самая прочная опора империи и каждого отдельно взятого государства. Оберегать и укреплять его — это наша наипервейшая и наисерьезнейшая задача, так как развитие и процветание сельского хозяйства обеспечивают общее благо всех прочих отраслей», — записал в своей программе реакционный Союз сельских хозяев.

Бисмарк, который по своему происхождению и образу мыслей был консерваторм и который оказался достаточно умен, чтобы осознать последствия проведения в жизнь экономической политики, ориентированной лишь на национальные интересы, очень долго тянул с тем, чтобы уступить давлению лоббистов — сторонников введения протекционистских пошлин. Безучастно лавировал

он между обоими фронтами, пока неподвижные обстоятельства не привели его в боевую готовность. Это были две попытки покушения на императора в 1878 г. 15 мая некто Макс Хедель стрелял в 81-летнего монарха, а 2 июня его тяжело ранил Карл Нобилинг.

«Получив известие о покушении Нобилинга, Бисмарк неожиданно остановился. Резким движением он вонзил свою дубовую трость в землю и произнес, облегченно вздохнув: «Вот теперь мы распустим рейхстаг!» И только после этого он осведомился о состоянии императора», — описал эту сцену историк Эрих Айк. Духовное озарение было хорошо рассчитано. Оба покушения давали О. Бисмарку прекрасный повод одним политическим ходом сразу решить несколько проблем.

Жестокость как ответ на социальный вопрос

Ситуация в стране быстро менялась в пользу консервативных сил. Поэтому в ходе новых выборов следовало рассчитывать на очевидное высказывание вотума в поддержку протекционистской политики. Одновременно можно было свалить на социалистов вину за оба покушения, а также грубо и жестко, т.е. в манере, присущей господствующим классам, ответить на социальный вопрос, ставящийся для них все более неприятным.

Рейхстаг был распущен. В ходе новых выборов в рейхстаг, проводившихся стремительными темпами, за свободных консерваторов было подано 785 тыс. голосов, т.е. вдвое больше, чем на предшествующих выборах. Национал-либеральная партия потеряла 100 тыс. голосов. Историк Фриц Стерн так оценивает результаты выборов: «Победа, добытая в ходе кампании самой беззащитной дискредитации противника; данный пример и его результаты означают нанесение большого ущерба политическому будущему Германии».

То, чего стремился достичь Бисмарк, было не просто изменение политического курса, но и установление совершенно нового порядка в империи. По его мнению, эпоха либерализма уже прошла, свободная игра сил пришла в расстройство, а посему вмешательство государства должно быть более активным. Канцлер вспомнил о своих собственных интересах, ведь он был крупнейшим землевладельцем, и

последовал зову своих товарищей по сословию, требовавших «национальной» защиты.

Его отношение к беспокойному рабочему сословию было позицией строгого, но справедливого патриарха. И он надеялся, что разработанный им «государственный социализм» даст возможность справиться с революционным и более не управляемым рабочим движением. В концепцию всемогущего государства, вмешивающегося во все сферы хозяйства, включался также план полной национализации прусских железных дорог. Уже по чисто военным соображениям Бисмарк считал целесообразным установить контроль над важнейшим средством сообщения XIX в., а если он при этом что-то еще работает, то тем лучше.

Невероятный закон

Казалось, пришел конец грюндерскому периоду. Отныне темпы экономического и технического прогресса определял не каждый отдельный предприниматель, обладавший мужеством и отвагой, а государство, которое должно было учитывать прежде всего интересы самых сильных в политическом отношении групп. Германия отгородилась от мировых рынков и установила высокие пошлины практически на все импортные товары. В результате группа крупных землевладельцев смогла еще в течение нескольких десятилетий удерживать свои ведущие позиции в империи. В остальном же протекционистская политика не дала больших выгод, поскольку депрессия продолжалась до 1896 г. Когда же экономическая жизнь стала оживляться, то это было вызвано не вмешательством государства, а тем, что предприниматели вновь осмелели и стали вкладывать в нее свои капиталы и создавать новые фирмы.

Опираясь на консервативное большинство в рейхстаге, Бисмарк положил конец либерализму также во внутренней и социальной политике. 21 октября 1878 г. правительство приняло Закон о социально опасных устремлениях социал-демократии («Закон о социалистах», в котором наряду с прочим содержалось и следующее положение:

«§1. Запрещаются объединения, которые своими социал-демократическими, социалистическими или коммунистическими устремлениями ставят перед собой цель изме-

нить существующий государственный и общественный строй. Сказанное распространяется и на объединения, в которых социал-демократические, социалистические или коммунистические устремления, направленные на изменение существующего государственного и общественного строя, провозглашаются в форме, которая наносит ущерб общественному спокойствию, особенно согласию между различными классами населения. К объединениям приравниваются организации любого рода».

Тюремное заключение для социал-демократов

«§9. Распускаются собрания, на которых провозглашаются социал-демократические, социалистические или коммунистические устремления, направленные на изменение существующего государственного и общественного строя.

Запрещаются собрания, которые фактами подтверждают справедливость предположения о том, что они поощряют формирование устремлений, перечисленных в предшествующем абзаце. К собраниям приравниваются публичные торжества и шествия.

§10. Запрещение и роспуск относятся к компетенции полицейского управления. Жалобы подаются только в органы надзора.

§11. Запрещаются печатные издания, в которых социал-демократические, социалистические или коммунистические устремления, направленные на изменение существующего государственного или общественного строя, провозглашаются в форме, которая наносит ущерб общественному спокойствию, особенно согласию между различными классами населения.

В периодических изданиях запрет может распространяться и на дальнейший выход его в свет, если на основе этого закона запрещается выход отдельного номера.

§17. Лицо, являющееся членом запрещенного объединения или осуществляющее деятельность в его интересах, подвергается денежному штрафу в размере до 500 марок или тюремному заключению сроком на 3 месяца. Этому же наказанию подвергается также лицо, которое принимает участие в запрещенном собрании или которое незамедлительно не удалится после роспуска собрания полицией.

Лица, которые принимают участие в работе объединения или собрания в качестве руководителя, распорядителя, агента, выступающего с речью, или кассира, или лица, которые призывают к проведению собрания, подвергаются тюремному заключению на срок от 1 месяца до 1 года.

§19. Лицо, которое распространяет, продолжает распространять или печатает вновь запрещенное печатное издание или издание, подлежащее временному запрету, подвергается денежному штрафу в размере до 1000 марок или тюремному заключению на срок до 6 месяцев».

Проведение собрания только с разрешения полиции

«§28. Для округов или населенных пунктов, в которых устремления, перечисленные в §1, абзаце 2, создают угрозу общественной безопасности, центральные ведомства государств — членов федерации могут принимать с согласия бундесрата на срок не более 1 года и при условии, что таковых не имеется в земельном законодательстве, постановления о том, что

- 1) собрание можно проводить только после получения на него предварительного разрешения полиции; это ограничение не распространяется на собрания, проводимые в связи с официально объявленными выборами в рейхстаг или земельные представительства;
- 2) распространение печатных изданий на общественных дорогах, улицах, площадях или в других общественных местах должно быть запрещено;
- 3) лицам, от которых можно ожидать нарушения общественной безопасности или общественного порядка, может быть запрещено пребывание в округах или населенных пунктах;
- 4) владение, ношение, ввоз или продажа оружия полностью или частично запрещаются или же обуславливаются определенными оговорками.

§30. Настоящий закон вступает в силу с момента его обнародования и действует до 31 марта 1881 г.»

Действие «Закона о социалистах», принятие которого означало, что рабочее движение развертывается в условиях военного положения, продлевалась четырежды. Он сохранял свою силу до 30 сентября 1890 г.

ПРОЛЕТАРИИ ТОЖЕ МОГУТ БЫТЬ ГРЮНДЕРАМИ

Хотя история грюндерства является в первую очередь историей предпринимателей, тем не менее, не бросив взгляда на социальные отношения, характерные для тогдашних фабрик и заводов, и на положение работавших там людей, едва ли можно разумно объяснить многие ее стороны. Поэтому позволим себе здесь краткий ретроспективный взгляд на состояние рабочего движения после революции 1848 г., революции, которая в действительности не была таковой.

Вступление народов Центральной Европы в индустриальный век, разумеется, не было следствием их бедственного материального положения. На протяжении столетий люди этого региона жили хуже или, по меньшей мере, не лучше, чем в 30-х...40-х годах XIX в. И хотя современная историография склонна объяснять исторические процессы происходящими в мире изменениями общественных условий, трудно оспаривать тот факт, что решающие импульсы для новых направлений развития исходили от отдельных лиц. Поэтому история грюндерского периода является одновременно и историей неординарных личностей.

Те или иные изобретения всегда свершались отдельно взятыми индивидами, они же принимали решения о создании новых промышленных предприятий. Они же, где только могли, добывали необходимые для этого ресурсы: капитал, материалы и сырье, людей. Те, кто следовал за ними и становился экономически зависимым от них, не были еще «рабочими» в собственном смысле слова. Ими они стали лишь на современных промышленных предприятиях. До этого они трудились преимущественно в сельских местностях как поденщики или ремесленники. На фабрики они отправлялись по собственной воле, поскольку там они получали больше денег и, несмотря на напряженный

12-часовой рабочий день, легче зарабатывали себе на жизнь, чем до этого.

Новые промышленные районы

В результате увеличения количества предприятий и численности занятых на них людей в Германии возникли целые промышленные районы. В то время к ним относились средняя часть Рейнской области, включая левый берег Рейна, королевство Саксония, особенно окрестности Хемница и Плауэна, Южная Вестфалия, Верхняя Силезия, а также местности, прилегавшие к Франкфурту-на-Майне, Мангейму, Мюнхену и Нюрнбергу. Одновременно возник совершенно новый слой населения, который бюргерство несколько презрительно именovalo пролетариатом. Однако перед революцией 1848 г. этот слой в целом еще не играл значительной роли.

Например, во всей Пруссии в 1846 г. проживало 16 285 тыс. человек. Из них только 550 тыс. были фабричными рабочими.

Одновременно насчитывалось 453 тыс. мастеров-ремесленников, 380 тыс. подмастерьев и учеников, 1,4 млн. сельскохозяйственных рабочих. На фирме Круппа в Эссене, ставшего впоследствии крупнейшим работодателем Германии, в тот момент работало всего 110 человек. Из них лишь одна треть проживала в окрестностях Эссена, в то время как остальные в своем большинстве являлись выходцами из Верхней Силезии.

Большую роль в то время еще играла работа на дому, так как для предпринимателей это было самым простым и дешевым способом быстрее всего наладить промышленное производство. Рабочие-надомники жили, главным образом, в отдаленных лесных районах Силезии, Саксонии, Тюрингии, Франконии или Бадена, где было мало других возможностей найти работу. Кроме

текстильных и галантерейных товаров и различных скобяных изделий, они изготовляли также корзины, коробки, ножи, напильники, иголки, резные изделия из дерева, спички, курительные трубки, игрушки, часы и музыкальные инструменты.

«Жри, если хочешь, траву»

Рабочие-надомники явились той группой германского населения, которые подняли первое в период грюндерства восстание, направленное против существующих социальных порядков. Восставшие ткачи-надомники из Петерсвальдау в горных районах Силезии, которые в начале 90-х годов вдохновили Герхарта Гауптмана написание своей известной драмы «Ткачи», протестовали, однако, не столько против нищенской оплаты своего труда. В действительности их мучил страх перед потерей самих источников их скудного существования. Они опасались новых ткацких станков, которые, как они предполагали, отнимут у них последнюю возможность зарабатывать себе на хлеб.

И действительно, социальные условия в тех отдаленных районах были ниже всякой критики. Ткачи, как они сами признавали впоследствии на допросах после подавления восстания, питались отрубями, похлебкой и вонючей кониной, спали на хворосте и одевались в лохмотья. Их хозяин — фабрикант Цванцигер — платил им в день от 2,5 до 3-х грошей серебром (130 серебряных грошей = 1 талеру). Для сравнения укажем, что фабричный рабочий аналогичной квалификации на хлопкопрядильных фабриках Кельна получал в это же время 2,5 талера в неделю.

Сверх того силезские ткачи-надомники должны были оплачивать своему работодателю даже стоимость шпулей (бобин), с которыми они работали. Кроме того, помещик взимал с них еще определенную мзду за разрешение заниматься промысловой деятельностью на его земле.

Цванцигер считался особенно скаредным работодателем. Он платил рабочим по сравнению с другими предпринимателями более низкую заработную плату и заставлял ткачей после сдачи ими своей продукции долго ожидать получения денег и новой пряжи, необходимой для продолжения работы. Когда один из ткачей пожаловался, что ему боль-

ше нечего есть, фабрикант ответил ему: «Трава нынче особенно сочная, ты можешь, если хочешь, жрать ее».

Бушующая толпа на улицах деревни

В голодном 1844 г. положение с пропитанием для домашних ткачей стало особенно критическим. Один местный, оставшийся неизвестным поэт выразил эту нужду в следующих рифмованных строках:

Здесь у нас в местечке суд
Похлеще прежних фем.
Тут даже приговор не ждут,
Чтобы покончить с тобой.
На медленную в муках смерть здесь человек обречен.
Мы все здесь словно в мрачной камере тюрьмы.
Лишь слышимый отовсюду стон
Свидетель нашей несчастной судьбы.

Это стихотворение, повествующее далее об отвратительных подробностях из жизни домашних ткачей, быстро облетело весь Петерсвальдау, передаваясь из уст в уста. Некто, умеющий писать, изложил его на бумаге, и вскорости оно было распространено повсюду в виде многочисленных листовок. Один из ткачей прикрепил одну из них к стене цванцигеровской фабрики. Фабрикант поднял на ноги полицию, которая арестовала человека, распевавшего на улицах Петерсвальдау песенку на слова этого стихотворения. Это явилось искрой, приведшей к ухудшению и без того возбужденного настроения ткачей.

Они гурьбой направились к фабрике Цванцигера, потребовали немедленной выдачи арестованного товарища, а заодно и повышения зарплаты. Поскольку Цванцигер никак не отреагировал на это, они вышвырнули мебель из окна его дома, потом ворвались на фабрику, разбив все ткацкие станки. Окрыленная своим «успехом», горланящая толпа двинулась вдоль улицы деревни, разграбила винный погреб и бросила в воду священника. Между тем Цванцигер пытался успокоить скандалистов, срочно организовав распределение среди жителей деревни хлеба, соли и денег.

Когда разбушевавшаяся орава несколько успокоилась, служащие и слуги фабриканта перешли в наступление на рабочих, обратив

их в бегство. Цванцигер тем временем оповестил о случившемся близлежащий гарнизон, военные выступили. Солдаты открыли огонь по взбунтовавшейся толпе. 10 ткачей были убиты на месте, многие тяжело ранены. Командир части приказал арестовать около 50 ткачей, из них 18 были осуждены за подстрекательство к мятежу.

Страх буржуа перед пролетариями

Восставшие своим выступлением не могли ни предостеречь введения новых более производительных ткацких станков, ни существенно улучшить свое собственное положение. Их революционное воодушевление фабрикант Цванцигер довольно легко выменял за пару продовольственных пакетов и несколько более человеческое обращение.

Однако произошедшее в 1844 г. восстание ткачей не оказалось напрасным. С одной стороны, оно стало важнейшей вехой нарождающегося рабочего движения, с другой — превратилось для промышленной буржуазии в постоянно преследующий ее кошмар.

Восстание открыло собой столетие борьбы промышленных рабочих за более высокую зарплату, лучшие условия труда и сохранение своих рабочих мест. В Петерсвальдау был впервые со всей беспощадностью поставлен на повестку дня социальный вопрос.

«Внезапная жестокая вспышка гнева испугала правящую бюрократию, а одновременно и верхние слои буржуазии во всех промышленных районах, ибо где-то в самой глубине городских социальных недр возник голодающий, лишенный средств к существованию, а часто и крыши над головой, невежественный и деморализованный «пролетариат». Не поднимется ли он в один прекрасный день?» Так описывала историк Хедвиг Вахенхайм ситуацию перед революцией 1848 г.

«Грюндеры» рабочего движения

Основная проблема развивающегося рабочего движения заключалась в том, что самого «рабочего», собственно говоря, еще не было. Происходящие то там, то здесь собрания объединяли левых студентов и интеллектуалов-фанатиков наряду с ремесленниками-подмастерьями, преисполненными сознанием своей словесной принадлежности; лишенных собственности сельскохозяйствен-

ных рабочих; коренных ремесленников-мастеровых; политических радикалов вместе с католическими священниками; хорошо зарабатывающих рабочих-сталеваров наряду с полуголодными поденщиками. Формирование из суммы противоречивых интересов этой разнородной массы единого, руководящегося ясной политической программой движения, несомненно, принадлежит к самым значительным свершениям грюндерского периода.

И действительно, «грюндеры» немецкого рабочего движения были фигурами, которые по формату и самобытности могли сравниться с любым предпринимателем. К ним принадлежал Карл Маркс, родившийся в 1818 г. в Трире сын еврейского адвоката, ставший властителем дум последующих поколений, но всю свою жизнь остававшийся загадкой для своих пролетарских современников.

«Коммунистический манифест», который он вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом опубликовал в феврале 1848 г., прочли в Германии лишь очень немногие. Рабочие, которым он в конечном счете был адресован, не знали толком, как применить программные установки обоих интеллектуалов, портреты которых впоследствии колыхались на развивающихся флагах и знаменах Социал-демократической партии Германии. Вот некоторые выдержки:

«История всех существовавших обществ была историей борьбы классов... Угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытную, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса — буржуазию и пролетариат..»

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общест-

ва, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество...

Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит, прежде всего, своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны».

Ну что ж, редко какой-либо пророк был столь основательно опровергнут историей, как Карл Маркс. И, тем не менее, он оказал на мышление и умственный кругозор людей влияние более неизгладимое, чем все философские со времен Аристотеля.

«Пусть льется кровь!»

Когда в начале марта 1848 г. перекинувшись из Франции, в Германии вспыхнула революция, интересы рабочих играли в ней лишь второстепенную роль. Призывы, звучавшие на баррикадах от Хайдельберга до Берлина, были взяты не из «Коммунистического манифеста», а позаимствованы из давнишнего репертуара бюргерства, веками оставшегося связанным путями феодальных ограничений. Восставшие провозглашали: «Смерть тиранам» «Пусть льется кровь», «Сбросим с себя ярмо рабства», а не «Повышение заработной платы» или «Долой машины». Конечно, пролетарии составляли большинство революционеров, но тон задавали студенты и мастера-ремесленники. Типичной в этом отношении была ситуация в Берлине. Когда до города дошли известия о восстаниях в Бадене и Рейнланде, нетерпеливые революционеры вышли на улицы города, потребовав свободы печати, независимости юстиции, права создания союзов, включая возможность проведения собраний, создания отрядов гражданской обороны и созыва общегерманского парламента. 17 марта король уступил и ввел в Пруссии свободу печати, а через день он преобразовал кабинет, назначив министрами либеральных рейнцев Лудольфа Кампахузена и Давида Ханземана.

Но уже в тот же день вспыхнула борьба, поскольку король остался глух к основным требованиям восставших: немедленный от-

вод войск из города показался ему слишком рискованным делом. Фридрих Вильгельм IV отдал приказ открыть огонь по восставшим, и уже к вечеру улицы были усеяны телами 183 убитых людей. Лишь после этого монарх приказал вывести войска из города.

Через три дня он оказался вынужден лично почтить память погибших во время мартовских боев. Повязанный шарфом, имевшим красный, черный и золотой цвета, символизирующие столь желанную народом немецкую республику, он проехал верхом на коне по улицам города, сопровождаемый постоянно увеличивавшейся толпой, которая состояла из гражданского ополчения, защитников баррикад и просто зевак. Но это своеобразное шествие сохранило дому Гогенцоллернов прусскую корону и власть еще на добрых 70 лет.

В этой революции рабочие выступили на стороне буржуазии, поскольку промышленному пролетариату тогда еще совсем не было ясно, что он может хотеть чего-то иного, нежели буржуазия. Хотя в его рядах было немало умных и дальновидных вождей, однако они были заняты решением более неотложной задачи: организацией и объединением пестрых рядов своих приверженцев.

Заниматься политической деятельностью не могут

Такие крупные философы, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, мыслившие масштабами всемирной истории, были непригодны для повседневной будничной политической деятельности. Маркс не пошел на баррикады, а по возвращении из брюссельского изгнания на взятые в долг 6000 талеров быстренько основал Новую Рейнскую газету, которая, однако, уже через год снова была запрещена. При поддержке своего друга Энгельса, отпрыска состоятельной купеческой семьи из Вупперталя-Эльберфельда, высланный тем временем из Германии теоретик начал в Лондоне работу над своим основным трудом «Капиталом», в то время как его ученик Стефан Борн, типографский наборщик по профессии, основал в Берлине первую немецкую национальную организацию рабочих.

Однако самой блистательной фигурой в лагере пролетариата был, несомненно, Фер-

динанд Лассаль, холеного вида эстет и прирожденный оратор. Родившийся в 1825 г. сын еврейского торговца шелковыми товарами из Бреслау сначала намеревался — под влиянием произведений Генриха Гейне и Людвиг Берне — стать писателем. Однако этот фанатик справедливости с аристократическими манерами, изучавший в Берлине философию — прежде всего Гегеля и Гераклита, — стал, как он впоследствии сам признавался, «с 1840 г. революционером и с 1843 г. — убежденным социалистом».

Лассаль и поруганная графиня

Известность Лассаль приобрел, однако, не столько «своими философскими открытиями», сколько благодаря своей афере с графиней Софьей фон Гацфельдт. Ему было 22 года, когда он, только что возвратившись из Парижа, познакомился в Дюссельдорфе с графиней, бывшей старше его на 20 лет. Софья фон Гацфельдт, честолюбивая, умная и волевая женщина, как раз намеревалась возбудить дело о разводе со своим мужем, и некоторые из друзей Лассалья хотели ей в этом помочь. Муж Софьи, один из богатейших магнатов Нижнего Рейна, весной 1847 г. подал жалобу, в которой обвинял ее в «непрерывных нарушениях супружеской верности» и упрекал ее в «являющихся вызовом брачным узам блужданиях по всему свету с благородными рыцарями всех видов». Лассаль и его друзья были восхищены борьбой, которую вела аристократка, стремясь эмансипироваться от своего пользовавшегося политическим влиянием домашнего тирана. Дело «Гацфельдт против Гацфельдта» показалось им симптоматичным как пример борьбы всех угнетенных за свое освобождение, и когда молодой студент философии лично познакомился с графиней, то он решил отнестись к ее делу как к своему собственному.

Годы спустя Лассаль, ставший к тому времени вождем немецкого рабочего движения, признавался, почему он так рьяно вступился в защиту прав Софьи фон Гацфельдт: «И вот я, бессильный молодой еврей, восстал против всего, что олицетворяло собой самые могущественные силы, я один против всех — против силы, создаваемой положением и аристократическим происхождением, против власти безграничного богатства, против правительства и чиновников всех мастей — этих

Фердинанд Лассаль

естественных союзников рангов и богатства — и против любых предрассудков».

Классовая борьба из-за любви

Молодой бунтарь, влюбившийся в свою подзащитную, превратил бракоразводный процесс в политическое мероприятие. Двум из его друзей удалось похитить у любовницы графа Гацфельдта шкатулку с документами, которые могли быть использованы для укрепления позиций графини. Лассаль, обвиненный перед судом в воровстве, в свою очередь развернул беспрецедентную обвинительную кампанию против аристократа-богача.

В бесчисленных статьях, речах на собраниях рабочих и перед лицом судей он разоблачал сомнительные сделки и моральные проступки своего противника, так что каждому становилось ясно — на этом процессе речь идет не о семейной ссоре, а о «низости господствующего класса». При поддержке крестьян и сельскохозяйственных рабочих молодой трибун сумел проникнуть даже в господское имение Гацфельдта, чтобы произнести подстрекательскую речь «в логове самого льва».

Карл Маркс, ценивший ораторский талант Лассалья, но вообще принципиально не доверявший ему, создавал ему своего рода огневое прикрытие, постоянно освещая этот процесс в своей газете. По всей видимости, К. Маркс больше восхищался графиней, чем ее защитником. Так, в одном из писем Ф. Энгельсу он писал, что она обнаруживает «несравненно больше политического рассудка», чем Лассаль. Поэту Георгу Гервегу К. Маркс также признаваться: «В единоробстве со своим мужем эта женщина обнаружила большую энергию, необычную для немки».

Экстравагантная женщина

Графиня Софья фон Гацфельдт, описанию жизни которой историк Хельмут Хирш посвятил поучительную книгу, в любом отношении действительно была необычайной женщиной. Она разорвала брачные узы с бесчувственным, нелюбимым и властным супругом, в течение многих лет ожесточенно боролась за свои права и потом пошла на связь с этой горячей головой — Лассалем, который мог бы годиться ей в сыновья.

Политическая деятельность ее молодого возлюбленного настолько импонировала графине, что она, презрев все классовые барьеры, заключила союз с «буржуазией, мелкой буржуазией и пролетариатом» — по выражению ее биографа Хельмута Хирша — для борьбы против представителей собственного сословия. До самой смерти Лассалья она вместе с ним принимала активное участие в немецком рабочем движении и в качестве его душеприказчицы она еще в течение долгого времени после этого активно влияла на борьбу различных направлений этого движения. Так, после раскола Всеобщего германского рабочего союза в 1868 г. она возглавила сторонников Лассалья, образовав оппозицию объединениям Бебеля и Либкнехта.

Фердинанд Лассаль, ставший благодаря делу Гацфельдтов известным далеко за пределами Рейнской области, несколько раз подвергался аресту, тюремному заключению и денежным штрафам, но это лишь способствовало росту популярности этого обладателя ораторского дара среди рабочих кругов. Так как графиня в благодарности за его деятельное участие в ее бракоразводном процессе назначила ему пожизненную ренту, ему никогда не приходилось заботиться о зара-

Графиня Софья фон Гацфельдт

ботке и всю свою энергию он мог отдать политической борьбе.

Маркс считал Лассалья мелкотравчатым

В противоположность Карлу Марксу, который следил за революцией с высоты своих теоретических концепций, как с наблюдательной вышки, Лассаль с головой окунулся в повседневную политику. Для него речь шла не о том, чтобы оказаться правым перед историей, а о том, чтобы как можно быстрее завоевать реальную политическую власть. Его программа была кратка и ясна: рабочее сословие должно организовать в самостоятельную политическую партию, сделать своим лозунгом достижение всеобщего и равно-го избирательного права и добиваться представительства в законодательных органах.

Маркс считал эту тактику мелкотравчатой, надеясь на большую революцию, которая полностью и на вечные времена передала власть в руки пролетариата. На лондонской всемирной выставке

1862 г. дело дошло до окончательного разрыва между двумя столы различными людьми. Поводом послужил отказ Маркса возвра-

титься в Германию и возглавить рабочий союз, к созданию которого стремился Лассаль. Маркс презрительно назвал своего прежнего ученика «сектантом». «Секта», которую Фердинанд Лассаль в 1863 г. в конце концов основал, явилась Всеобщим германским рабочим союзом, организационно объединившим различные течения рабочего движения Германии и ставшим боевым авангардом ее пролетариата. Лассаль стал первым президентом союза сроком на 5 лет. Возможно, история немецкого рабочего движения сложилась бы иначе, останься этот талантливый демагог и организатор во главе союза хотя бы в течение всего этого срока предоставленных ему полномочий. Однако Лассаль, о котором Бисмарк сказал: «Это был один из самых остроумных и приятных людей, с которыми мне когда-либо приходилось общаться», ушел из политики так асе, как и вошел в нее: через авантюру.

«Елена должна быть моей!»

После своей триумфальной агитационной поездки по Рейнской области в 1864 г., во время которой его выступления ликованием встречались тысячами слушателей, он писал графине Гацфельдт: «Меня не покидало ощущение, что так примерно должно было все выглядеть при возникновении новых религий»; он снова по уши влюбился в одну красавицу. Елена фон Деннигес, дочь баварского дипломата, познакомилась с рабочим вождем в Берлине и посетила его затем в Швейцарии, где Лассаль, намереваясь передохнуть несколько дней у подножия горы Риджи. Обоим влюбленным с самого начала было ясно, что отец Елены никогда не даст своего согласия на свадьбу, так как в его глазах Лассаль был своего рода бандитом, обкрадывавшим порядочных людей и постоянно вынужденным в судебном порядке защищаться от обвинений в уголовных преступлениях.

Романтически настроенная девушка была поэтому склонна бежать за границу, чтобы там выйти замуж за своего возлюбленного. Самонадежный рабочий вожак отказался, однако, от этого плана, потому что надеялся добиться от старого Деннигеса согласия на женитьбу. Обиженная до глубины души Елена вернулась к своим родителям, Лассаль, привыкший преодолевать все препятствия с наскоку, видел отныне перед собой только

одну цель: поговорить со своим будущим тестем и убедить его в порядочности своих намерений. Но старый дипломат долго не соглашался принимать подозрительного для него «смутьяна». Лассаль признавался впоследствии: «Рабочий союз, политика, наука, тюрьма, все это для меня полностью поблекло: Елена должна быть моей!»

И на этот раз он добился своего. Старый Деннигес принял, наконец, неугомонного возлюбленного своей дочери и, подавши неиссякаемому красноречию Лассалья, согласился на брак. Новым неожиданным неизвестным в уравнении, которое, казалось, было близко к блестящему разрешению, оказалась сама загадочная вдруг Елена. Читая задетым свое самолюбие, она ответила Лассалю отказом и демонстративно вернулась к своему прежнему суженому.

Смерть в результате смехотворной дуэли

Тут настала очередь Лассалья потерять голову. Он почувствовал себя выставленным на посмеище. В него закралось сомнение, годен ли он после этого позора вообще на роль руководителя рабочих. Находясь в состоянии аффекта, он направил отцу Елены и ее жениху, с которым она была помолвлена, письмо, содержащее оскорбление. Как и следовало ожидать, обрученный вызвал его на дуэль, и 28 августа 1864 г. в Женеве оба соперника направили пистолеты друг на друга. Фердинанд Лассаль был тяжело ранен и скончался три дня спустя. Князь Отто фон Бисмарк, его соперник и партнер в крупных политических вопросах, выразил свое огорчение случившимся в следующих словах: «Я был бы рад иметь в качестве соседа по своему имению человека его таланта и духовного склада».

Более вескую причину сожалеть о смерти Лассалья имели 4600 членов Всеобщего германского рабочего союза и все, кто верил в победу пролетариата над дворянством и буржуазией. Ибо этому, как бы ниспосланному самим небом, руководителю едва ли можно было найти замену.

Его преемником на посту председателя Союза стал воспитанник иезуитского монастыря Иоганн Баптист фон Швайцер, родом из Франкфурга. По силе духовного и интеллектуального воздействия на окружающих

он не шел ни в какое сравнение с Лассалем и в конечном счете потерпел жизненное фиаско из-за своих недостатков чисто личного плана. За «публичное совершение непристойных действий» он был арестован в Мангейме и осужден на 14 дней тюремного заключения. Он не обладал необходимым для руководителя личным авторитетом, был слаб и вместе с тем властолюбив и не умел учитывать особенности характера своих сотрудников.

Либкнехт и Бебель

Совсем другого калибра были двое других людей, выдвинувшихся позже в число лидеров немецкого рабочего движения, — родившийся в 1826 г. в Писене будущий участник добровольческих вооруженных революционных отрядов Вильгельм Либкнехт и подручный токаря-столяра Август Бебель, появившийся на свет на 14 лет позже своего будущего соратника по партии. Оба основали в 1869 г. в Эйзенахе, после частичного распада лассалевского союза, социал-демократическую рабочую партию, зародыш сегодняшней СДПГ. Если Либкнехт считался научно образованным марксистом, то Бебель воплощал собой тип боевого рабочего несгибаемой воли. В своих речах он представал как абсолютно честный человек, так что даже такой едкий критик, как Франц Мерит, констатировал: «Бебель обладает прирожденным народным красноречием, он всегда как бы опережает своих слушателей, говоря именно то, что лежит невысказанным грузом у слушателей на душе и просится наружу». Идеи, которые Август Бебель так доходчиво высказывал, в большинстве своем принадлежали Либкнехту, и вместе они образовывали дуэт, который доставлял немало хлопот и самому хитроумному рейхсканцлеру. Оба уже в 1867 г. были избраны в рейхстаг и в течение десятилетий оставались членами этого собрания. Вожди германского рабочего движения были озабочены прежде всего тем, чтобы создать политический противовес занимающим господствующие позиции офицерам, юнкерам и крупным капиталистам. Социальные же условия на предприятиях за период, прошедший с революции 1848 г. до создания империи, изменились лишь незначительно. Ибо рабочие были все еще плохо организованы, чтобы заставить предпринима-

телей считаться со своими требованиями более высокой заработной платы, более гуманных условий труда и большей социальной обеспеченности.

Бесчеловечная «траковая» система

Продолжительность рабочего времени все еще составляла в среднем 90 часов в неделю, сотни тысяч детей моложе 14 лет и множество женщин работали по 13 часов в дневную и 11 часов в ночную смену, хотя принятый 9 марта 1839 г. закон об охране труда ограничивал продолжительность рабочего дня для детей 10 часами. Согласно официальному отчету прусского правительства, у многих из этих несовершеннолетних, используемых в качестве рабочей силы, были обнаружены признаки серьезного ущерба, нанесенного их здоровью: «Бледные лица, тусклые и воспаленные глаза, одутловатости на теле, раздувшиеся щеки, отекающие губы и крылья носа, опухшие железы на шее, злокачественная сыпь на коже и астматическое состояние... все это резко отличает их в смысле состояния здоровья от других детей той же социальной группы, но не работающих на фабриках».

Институт назначаемых правительством фабричных инспекторов существовал уже с 1839 г., с тех пор как барменский фабрикант Иоганн Шухард произвел шок в рейнском ландтаге своим подробным описанием бедственного положения детей на фабриках. Однако к первому прусскому закону о промысловом надзоре предприниматели, как установил историк народного хозяйства Фридрих-Вильгельм Хеннинг, не относились серьезно: «Возможности для контроля были слишком недостаточны, тем более что на первых порах она поручалась местным чиновникам и возведенным в ранг «промысловых советников» ремесленникам, фабрикантам и купцам».

Особенно ненавистна была рабочим так называемая траковая система, которая хотя и была официально запрещена в 1845 г., однако и после этого продолжала широко практиковаться на многих фабриках. Она означала не что иное, как то, что рабочие получали свою зарплату не в деньгах, а в виде товаров, которые они сами производили на фабриках. Этим хитрым приемом предприниматель сразу убивал двух зайцев — гарантировал заранее сбыт определенной части своей

продукции, одновременно неплохо зарабатывая на этом, ибо вряд ли кто из его рабочих был в состоянии определить настоящие издержки производства продукта. Предприниматель мог поэтому спокойно установить завышенную расчетную цену, получая тем самым дополнительную прибыль.

Рабочим, от которых отделялись таким бесчестным способом, стоило, естественно, большого труда превратить свою «зарплату» в деньги, чтобы купить затем на них продукты питания. В те времена «манчестерского» капитализма у трудящихся не было ни выходных дней, ни отпусков. Работа продолжалась почти круглые сутки и в самых отвратительных условиях.

Четыре человека в одной постели

Как жила тогда семья рабочего-надомника, описывает современник той эпохи, историк народного хозяйства Эмануэль Закс в своей книге об игрушечном промысле в Тюрингском лесу: «Подобные жилища состоят обычно из основной комнаты и каморки, помещений с низкими потолками, забитыми до отказа предметами домашнего хозяйства и различными орудиями ремесленного труда. Внутреннее убранство безвкусно, обстановка бедная. И летом и зимой комната непрерывно отапливается, чтобы быстрее просыхал товар, расставленный на шестах и досках вокруг очага. В печь встроено нечто вроде котла для того, чтобы под рукой была горячая вода. Поднимающийся пар конденсируется в более прохладной каморке, служащей спальней, и повышает там влажность сверх нормального уровня. Основная рабочая комната, служащая одновременно и кухней и жилым помещением, где толкались дети, а мастер корпел над своими изделиями, обычно светла, а окна выходят на улицу: и хотя каморка нередко имеет приспособление для проветривания, проветривается она редко. В ней хватает места как раз для двух-трех кроватей, которые так тесно поставлены друг к другу, что между ними фактически не остается прохода; поэтому собирающийся воспользоваться ими обычно вынужден перелезть или перекачаться с одной кровати на другую. По ночам в каждую кровать укладываются по два человека, нередко в одной постели одновременно спят по 3, нередко по 4 человека — два головой в одну, два в

другую сторону. Невольно отшатываешься при виде всей этой нищеты... Нетрудно себе представить, как обстоит дело с чистотой в подобных жилищах. Полы не подметаются в течение целой недели. За это время скапливаются целые кучи отходов от работы, которые удаляются лишь во второй половине субботного дня, когда товар упаковывается для отправки в контору. Тогда вся домашняя утварь моется, чистится и скоблится, но уборки редко распространяются на спальную комнату, которая обычно остается привычно грязной...»

Всю жизнь один картофель

«Каково жилище — такова и пища», — пишет дальше историк. «Ею в большинстве случаев служит картофель, подаваемый на стол во всевозможных видах. Его едят утром, запивая наваром цикория или жидким кофе, вторым завтраком служит хлеб с кофе. За обедом едят всевозможные картофельные блюда, к ним подают селедку и немного раздобытого у мясника сала; в наиболее бедных семьях вынуждены довольствоваться селедочным рассолом, именуя это селедочным бульоном (похлебкой)... «Картофель с самого утра, днем в похлебке, вечером вместе с кожурой — картофель всю жизнь» — этот стих дает представление о меню рабочих-надомников. Производство игрушек не обеспечивает жителей занятием в течение всего года, с конца ноября до начала марта среди них господствует полная безработица, начинающаяся постепенно уменьшаться лишь с наступлением пасхи. Эти зимние месяцы особенно ужасны в багорной Тюрингии, в районе Оберланда. Сбережения кончаются почти сразу после рождества, приходится — хорошо ли худо ли — зимовать, используя отложенные на черный день запасы картофеля, или же население попадает в лапы мелких торговцев и ростовщиков...»

Лишь начиная с мая к фабрикантам начинают все чаще и в больших количествах поступать новые заказы. Промысел вступает в пору сезонного оживления, достигающего своего пика в летние месяцы — августе и сентябре... Стремясь максимально использовать этот короткий промежуток времени в 3...4 месяца, когда дело идет по-настоящему», рабочий трудится с лихорадочной спешкой — только так он сможет обеспечить себе

существование на следующий год. Действительно интенсивность, с которой работали тогда эти люди, превосходит все представления. И можно ли было вообще предположить, что человек с величайшим напряжением всех сил может работать по 18...20 часов в сутки, притом на протяжении не недель, а месяцев, в подобных жилищных условиях и при таком питании! Причем нередко случается, что с пятницы на субботу приходится работать всю ночь напролет, чтобы ко дню сдачи была готова вся заказанная партия...»

...люди измождены и болезненны»

«Последствия этого немислимого образа жизни не заставляют долго себя ждать» — трезво констатирует Закс. «Они проявляются во внешнем облике людей, частой заболеваемости, высокой смертности. Несмотря на свежий лесной воздух, который дующий с высот ветер приносит в улочки поселков, люди имеют изможденный и болезненный вид, выглядят мрачными и невыспавшимися; они ходят ссутулившись, у них впалая грудь, хилое телосложение: такова раса производителей игрушек из Тюрингского леса!

В крестьянских селениях здоровые, хорошо сложенные дети, здесь исхудалые лица, сухая кожа — признаки плохого питания... Причиной смерти почти половины всех умирающих после 15 лет являются легочные заболевания. Основной контингент этого ужасающе большого количества легочных больных составляют формовщики и прессовщики. При приготовлении бумажной массы из тряпья, обрезков бумаги, мела и т.д. с добавлением клеевого раствора или отвара кожных отходов помещение тотчас наполняется пылью и невыносимой вонью. Последняя еще больше усиливается, когда вынутые из форм фигуры ставятся на просушку возле печки. При обработке рашпилем соединительных швов и зазоров и при окончательной чистке изделий выделяется особенно много пыли, которая содержит в себе различные минеральные частицы и, будучи вдыхаемой, вызывает катаральное состояние легких и, как следствие этого, чахотку...

Недельный заработок формовщика, работающего с полной нагрузкой и имеющего жену и ребенка, составляет от 12 до 15 марок, прессовщика — 7...9 марок».

Фабричным рабочим живется все же лучше

Описав в столь мрачных красках ситуацию рабочих-надомников, Закс затем приводит сравнение с положением рабочих, занятых в ближайшей мануфактуре по производству игрушек, констатируя следующее: «Нет никакого сомнения, что в целом рабочие, занятые на фабрике в Зонненберге, имеют по сравнению с самостоятельным мелким мастером более гарантированный доход, обеспечивающий ему более сносное существование. Фабричный мастерской обеспечен, как правило, работой в течение всего года, хотя и не всегда с полной нагрузкой. В выходные дни он может работать дома. Жена и дети, занятые в домашней промышленности, обычно полностью представляют свою рабочую силу в распоряжение хозяина дома, не учитывая отдельно затраченного времени и не получая никакого соответствующего вознаграждения в цене товара. Члены семьи фабричного рабочего имеют возможность самостоятельного заработка, как на фабрике, так и дома.

Хотя и фабричные помещения в осеннее время оказываются переполненными, тем не менее они просторнее домашних мастерских и не так душны. Хотя рабочий день и здесь весьма продолжителен (12...14 часов в сутки, не считая сверхурочных), тем не менее, он все же ограничен определенным пределом, а сверхурочные оплачиваются отдельно, в то время как при домашнем промысле этой границей часто оказывается просто чисто физическая невозможность продолжать работу. И все это за зарплату, которая лишь удерживает душу в теле. И тем не менее мелкие мастера всеми силами противятся переходу на фабрику! На это есть свои причины. Пока мастер сохраняет самостоятельность, он считает, что он сам себе хозяин. Он голодает, но голодает в четырех стенах своего дома, он нищий, но на свой собственный риск и страх. На фабрике ему ведь тоже ничто не достанется даром, но он потеряет свою свободу. Он не хочет отправляться на работу и уходить с нее по команде под звон колокола. Он будет довольствоваться картошкой, если больше нечего есть, а может быть, и чем-нибудь лучшим, если позволяют обстоятельства. Не последнюю роль играют и соображения престижа — ведь в кругу коллег по стрел-

ковому обществу или в пивной название «мастер» или «фабрикант» воспринимается совсем иначе, чем «фабричный».

Необходимо призвать «чернь» к порядку

Пролетарское сознание существовало тогда только в головах интеллектуальных вождей рабочего класса. Все бедняки — а к ним принадлежали как фабричный рабочий, так и поденщик, как подсобный рабочий, так и «пожизненные», не обзаведшиеся семьей подмастерья — рассматривались буржуазией как «пауперы», а дворянским сословием даже как «чернь», которую следует, когда ее поведение становится угрожающим, приводить в повиновение с помощью войск или полиции. Лишь немногие предприниматели, политики или представители духовенства видели в «пауперизме» проблему, которую необходимо было решить другим, более интеллигентным способом.

Альфред Крупп, прототип патерналистски мыслящего предпринимателя-патриарха, которого, однако, трудно было заподозрить в симпатии социалистическим идеям, в 1858 г. основал потребительское общество, в котором его рабочие могли приобретать товары дешевле, чем в других магазинах, а пять лет спустя он начал строительство своих знаменитых заводских квартир. Строитель железных дорог Фридрих Харкорт и аахенский финансист Давид Ханземан, отец Адольфа Ханземана — соперника Бляйхредера, — также принадлежали к тому типу грюндеров, которые понимали, что капитализм сможет функционировать лишь в том случае, если будет проявлена достаточная забота и о рабочих. Правда, «сэлф-мэйдмэны» германской промышленности и не помышляли о предоставлении своим рабочим права участвовать, в делах фирмы или ее реорганизации. Но именно на это были направлены усилия политически мыслящих представителей немецкого рабочего движения.

Союзы подмастерьев и ссудные кассы

Среди либерально мыслящих представителей буржуазии тех лет было немало таких, которые хотели уничтожить эту противоположность интересов капитала и труда. При-

мером может служить родившийся в 1813 г. в Керпене близ Кельна католик Адольф Кольпинг, который вначале работал сапожником, затем стал священником. Кольпинг отчетливо видел нужду лишенных постоянной работы ремесленников-подмастерьев и стал инициатором основания тех самых союзов подмастерьев, из которых впоследствии возникли знаменитая «кольпинговская семья» и существующий и поныне в рамках католической церкви «фонд Кольпинга».

Христианская любовь к ближнему явилась также той движущей силой, которая побудила вестфальского барона Вильгельма Эмануэля фон Кеттелера заняться социальным вопросом. Будучи в 1848 г. только что избранным в немецкое национальное собрание, этот священнослужитель-аристократ произнес у могил убитых во время народного восстания депутатов франкфуртского парламента генерала Ханса Адольфа Ауэрсвальда и князя Феликса фон Лихновского свою знаменитую надгробную речь, в которой он впервые высказал мысли, составившие впоследствии основу христианского социального учения. Барон фон Кеттелер, назначенный два года спустя епископом в Майнц, считал достаточное снабжение рабочих материальными средствами существования христианской обязанностью и выступал за справедливое распределение предпринимательских прибылей.

Скорее идеями либерализма, нежели христианским учением, руководствовался юрист Герман Шульце-Делич, создавший для помощи прежде всего ремесленникам и мелким предпринимателям те самые кредитные товарищества, из которых впоследствии возникли так называемые народные банки. Первоначально Шульце-Делич надеялся заинтересовать и рабочих своей идеей мелкокапиталистического партнерства. Однако он не учел, что у большинства пролетариев отсутствуют всякие предпосылки для самостоятельной хозяйственной деятельности. Фридрих Вильгельм Райффайзен, бывший на 10 лет моложе родившегося в 1808 г. Шульце-Делича, был также убежден в полезности таких организаций взаимопомощи, но и он имел в виду в первую очередь отнюдь не рабочих. Его интересовали главным образом мелкие сельские хозяйства. Он основал товарищество молокопроизводителей и ставшие

предшественниками современных райффайзеновских банков ссудо-сберегательные кассы для финансирования мелкокрестьянских хозяйств.

Кооперация вместо конфронтации

Если подобные идеи еще могли найти для себя питательную почву среди сельских хозяев и мелких крестьян, то все попытки привлечь рабочих в лагерь буржуазии оказались обреченными на провал. Однако целью первых профсоюзов, возникших на немецкой земле, была не конфронтация, а кооперация. Уже основанные в 1848 г. барменский и эльберфельдский союзы, объединявшие рабочих ализариновых красилен, избегали, к большому разочарованию Фридриха Энгельса, классовой борьбы. Этот, по сути дела, первый немецкий профсоюз разработал тарифное соглашение современного типа, предусматривавший гарантированную минимальную зарплату (4 талера в неделю), фиксированную продолжительность рабочего дня (утром с 6 до 12 часов, вечером с 1 до 7 часов), а также определенные мероприятия по обеспечению рабочих мест (предприятие не должно было брать на работу поденщиков).

Пошедших на эти уступки предпринимателей организованные в профсоюз красильщики вознаградили тем, что в отличие от своих неорганизованных коллег во время рабочих волнений в мае 1849 г. продолжали спокойно работать. Обойтись без классовой борьбы надеялись также и основатели первых общенациональных профсоюзов. Книжный торговец Макс Хирш из Хальберштадта и Франц Дункер, один из основателей Немецкой прогрессивной партии («прогрессисты»), возникшей в 1861 г., проповедовали немецким рабочим «гармонию интересов капитала и труда».

Своей целью хирш-дункерские профсоюзы ставили оказание помощи своим членам в случае болезни, похорон, странствий, нетрудоспособности и безработицы. Они планировали организацию касс, из которых производились бы выплаты в случае инвалидности, а также вынужденной перемены места жительства, намеревались заняться статистикой труда, посредничеством при трудоустройстве и охраной прав рабочих. Возможность стачек предусматривалась лишь в качестве крайней меры, в случае провала всех по-

пыток со стороны различных третейских инстанций уладить трудовой конфликт мирным путем.

«Стачка» становится известной рабочим

Планы обоих умеренных профсоюзных грюндеров нашли отклик прежде всего у рабочих-машиностроителей. Но когда выяснилось, что финансирование этой обширной программы потребует высоких членских взносов, их воодушевление заметно остыло. Хирш и Дункер начали терять все больше своих сторонников, переходивших на сторону более радикальных профсоюзов, руководимых Августом Бебелем. Так же как предприниматели стремились до конца использовать возможности, открывавшиеся периодом грюндерства, находившегося тогда в самом разгаре, так и рабочие должны были сначала познать пределы своих возможностей. Поэтому все предпринимаемые в те годы попытки преодолеть противоположность интересов (капиталистов и рабочих.— Прим. ред.) были обречены на провал. Единственным средством борьбы за свои права, которым в то время располагали рабочие, была так называемая «стачка» («страйк»), как тогда еще по-английски называли прекращение работы.

Конец хирш-дункерских профсоюзов

Годы, прошедшие после революции 1848 г. до создания империи, в целом не были неблагоприятны для забастовок. За исключением кризисного 1857 г. и последовавшей затем легкой рецессии, продолжавшейся до 1860 г., германская экономика постоянно шла в гору. Типичным в этом отношении примером является опять же эссенская «стальная кузница» Круппа. Если в 1851 г. на предприятии было занято всего 704 человека, то десять лет спустя их было уже 2000, а в 1870 г. к началу франко-прусской войны целых 12 000.

Войны уже в то время оказывали положительное влияние на экономическую конъюнктуру, а с тех пор, как Бисмарк был назначен в 1862 г. прусским министром-президентом (канцлером), германская промышленность не могла пожаловаться на удовлетворение усилий, предпринимаемых государством в

этом направлении. За шесть лет Пруссия провела три войны, а именно: сначала против Дании (1863/64), затем против Австрии (1866) и наконец против Франции (1870/71). Первые крупные забастовки произошли, как и следовало ожидать, в кризисном 1864 г.

В Лейпциге, центре книгопечатного и издательского дела, прекратили работу 500 типографских рабочих, требуя повышения зарплаты. Их примеру последовали гамбургские судостроители, лейпцигские и берлинские обувщики, берлинские каменщики, рабочие швейных предприятий Альтенбурга и красилен Вуппертала. Все эти забастовки не имели еще единого координационного центра, а были начаты по инициативе рабочих данных городов. И вследствие благоприятной конъюнктуры большинство работодателей было готово пойти на частичное удовлетворение требований рабочих.

Иначе сложилась ситуация летом 1869 г., когда горняки Вальденбургского каменноугольного бассейна основали хирш-дункерский профсоюз и тотчас же потребовали дополнительных социальных выплат. Сговорившись между собой, выдавшие виды шатовладельцы решили не признавать в качестве тарифного партнера показавшийся им опасным профсоюз. После этого 1 декабря 6400 из 7400 рабочих объявили забастовку. Профсоюзный лидер Макс Хирш, постоянно стремящийся к компромиссам с предпринимателями, настойчиво советовал вальденбуржцам не прибегать к забастовке. Тем не менее среди состоятельных друзей он собрал 30 000 талеров для помощи бастующим. Денег, однако, хватило ненадолго, и через восемь недель стачку пришлось прекратить, иначе горнякам пришлось бы умирать голодной смертью. Аналогичная судьба постигла рабочих текстильной фабрики в Форсте. Они тоже основали хирш-дункерский профсоюз, чтобы бороться за повышение заработной платы. И они также вынуждены были досрочно прекратить забастовку, так и не достигнув своей цели. Эти обе крупные забастовки 1869 г. означали практически конец хирш-дункерских профсоюзов.

Скудная зарплата за изнурительный труд

Каково было тогда финансовое положение рабочих, можно показать на примере Гамбурга. Содержание рабочей семьи из пяти человек обходилось в то время в 175,8 талера в год. В частности, расходовалось: на хлеб — 60 талеров, картофеля — 50,3 талера, оплату жилья — 30 талеров, «отопление и освещение» — 9,5 талера, одежду — 20 талеров, разного рода ремонтные работы, лекарства и прочее — 3,5 талера. Годовая зарплата отца семейства составляла 160 талеров, т.е. на 15,8 талера меньше, чем было необходимо для обеспечения прожиточного минимума. Разница покрывалась женой, которая стиркой или уборкой в чужих домах прирабатывала примерно 20 талеров в год.

Так называемые гражданские профессии уже в то время приносили гораздо больший доход, чем труд промышленного рабочего. Учительница, например, зарабатывала от 180 до 350 талеров в год, старший учитель от 500 до 700 талеров, банковский служащий около 600, мастер-ремесленник до 1000 талеров в год. В Кельне, после Берлина и Бреслау самым богатым городом Пруссии, лишь 5% населения, по данным тогдашней статистики, зарабатывали больше 400 талеров в год. В верхушке пирамиды доходов находились банкиры и — это являлось особенностью Кельна — сахарозаводчики. Затем следовали врачи и аптекари, торговцы винами и кожами.

Наибольший — 60000 талеров — доход в революционном 1848 г. получил кельнский сахарозаводчик Карл Иост.

Забастовочная лихорадка в период грюндерского бума

Наиболее подходящим временем для борьбы (рабочих.— Прим. ред.) за увеличение дохода были, разумеется, годы дикого грюндерского бума 1870...1873 гг. Так как дела на предприятиях почти всех отраслей находились в процветающем состоянии, а новые акционерные общества основывались ежедневно, фактор «труд» оказался в дефиците. Хотя в прусские города непрерывно прибывали переселенцы из обедневших восточных областей, многим предприятиям не хватало квалифицированной рабочей силы. Немецкие рабочие инстинктивно поняли, что

действие закона предложения и спроса в виде исключения сложилось в их пользу.

В своей книге «Немецкое рабочее движение 1844...1914 гг.» немецкий историк Хедвиг Вахенхайм так описывала тогдашнюю обстановку: «Рабочие были захвачены всеобщей надеждой на лучшие времена, всеобщей погоней за деньгами, жадной деятельностью. Они видели, как легко можно было заработать деньги, и были свидетелями подчеркнуто демонстрируемой роскоши. Однако удорожание снижало их жизненный уровень. И они решили потребовать свою долю в так легко зарабатываемых доходах. Разразилась, как говорили тогда, «забастовочная лихорадка».

Эта лихорадка свирепствовала повсюду, но ей не хватало организованности. Профсоюзы и другие рабочие организации оказались слишком слабыми для ведения борьбы в общенациональном масштабе. Они чересчур много времени уделяли внутренним спорам и общим политическим проблемам; и поэтому рабочие начали на собственный страх и риск добиваться того, что не смогли дать им (официальные.— Прим. ред.) представители их интересов. Забастовки в период необузданного грюндерства были всегда ограничены отдельным предприятием, в лучшем случае рамками местной отрасли. Они всегда были локализованы определенной местностью и, как правило, непродолжительны. Тем не менее они во многих случаях были успешными. Так как работодатели хотели максимально использовать благоприятную конъюнктуру, они часто шли на удовлетворение самых фантастических требований рабочих. Повышение зарплаты на 25 или даже 35% не было редкостью.

Реакция работодателей

Чем большего успеха добивались бастующие рабочие, тем конкретнее становились их требования: стали выдвигаться требования о сокращении рабочего времени, улучшении условий труда, участия рабочих в выработке правил внутреннего распорядка на предприятиях, проведении свободных выборов членов больничных касс, о смещении со своих постов мастеров, известных своим жестоким обращением с рабочими, наконец, о лишении предпринимателей права налагать денежные штрафы на руководителей стачек.

В Золингене точильщики ножиц забастовали потому, что предприниматели не полностью выплачивали им зарплату — в размерах более низких, чем было зафиксировано в тарифных соглашениях. Рабочие успокоились лишь после того, как предприниматели пообещали выплатить им приличное вознаграждение.

Владельцы фабрик были застигнуты врасплох широким стачечным движением местного характера и лишь к концу грюндерского бума начали разрабатывать совместные действия против бунтующих пролетариев. Так, например, Северогерманское объединение строительных предприятий 7 мая 1873 г. приняло целый каталог мероприятий против бастующих каменщиков и плотников-подмастерьев: «В округе, на который распространяются полномочия Северогерманского объединения строительных предприятий, ни один подмастерье не может быть принят на работу мастером без справки об увольнении с прежнего места работы. Тот, кто принимает на работу подмастерьев из другого округа или без справки об увольнении, обязан немедленно запросить о нем последнего работодателя или соответствующее учреждение и, если обнаружится, что нанимаемый принимал участие в частичной или общей забастовке, немедленно уволить его в ближайшую субботу...»

Многолетний идеологический спор

В то время как трудовые конфликты на предприятиях принимали все более ожесточенный характер, социал-демократические вожди рабочих занимались скорее политическими проблемами. Более важным делом, чем борьба за повышение зарплаты, им представлялся, например, вопрос о том, должны ли они во франко-прусской войне встать на сторону Парижской Коммуны или на сторону классового врага пруссака Бисмарка. Когда Либкнехт в своей речи в Северо-Германском рейхстаге, обсуждавшем вопрос о конституции (Северо-Германского союза), назвал дом Гогенцоллернов препятствием на пути действительного объединения страны, чаша терпения Бисмарка переполнилась.

17 декабря 1870 г. Либкнехт, Бебель и главный редактор социал-демократической газеты Фольксштаат по имени Хепнер были арестованы и обвинены в государственной из-

мене. Однако главный сигнал к всеобщей травле социал-демократических лидеров консервативный рейхсканцлер протрубил лишь после грюндерского краха. Для рабочего движения тяжелые годы депрессии имели и свою хорошую сторону, ибо в 1875 г. «ласальянцы» и «эйзенахцы» прекратили свой многолетний идеологический спор и объеди-

нились в Социалистическую рабочую партию Германии (с 1891 г. Социал-демократическая партия Германии – СДПГ), которая уже на выборах 10 января 1877 г. сумела получить 9,1% всех голосов. Это крайне опасное развитие, год спустя, канцлер вознамерился пресечь с помощью радикального «закона о социалистах».

НАСЛЕДНИКИ РОТШИЛЬДА

В период грюндерства насчитывались тысячи смелых предпринимателей, в избытке были покладистые рабочие, не ощущалось нехватки в сырье и идеях. Не хватало лишь капитала. Зажиточные люди тех времен, как правило, не очень-то желали вкладывать свои деньги в рискованные начинания промышленности. Богатые землевладельцы, рантье и крупные торговцы предпочитали вкладывать свои капиталы в государственные займы, надежность которых обеспечивалась законом об опеке, ну а банков в современном понимании этого слова тогда и вовсе не существовало.

В первой половине XIX в. финансы Германии находились примерно на том же уровне, на котором в наши дни осуществляются все финансовые операции в какой-нибудь развивающейся стране, например в Уганде или Бурунди. В германских княжествах существовало несчетное число «банкиров», но в большинстве случаев это были всего-навсего мелкие менялы, не обладавшие сколько-нибудь значительным собственным капиталом. Поскольку каждый князь придавал значение своей валюте, то торговец, скажем поставивший ножи из Рейнланда в Вюртемберг или Курхессен, вынужден был считать деньги то в гульденах, то в талерах. Поэтому его денежное обращение представляло собой такой же сложный процесс, как и денежный оборот современного экспортного предприятия, поставляющего свою продукцию на рынки, разбросанные между Гонконгом и Буэнос-Айресом.

Важнейшей задачей крупных банкирских домов было установление размера учетного процента. Если, например, торговец сукном из Аахена продавал свой товар в Берлин, то он получал за него не наличные, а векселя с оплатой через три или шесть месяцев. Но поскольку ему предстояло немедленно оплачивать предъявлявшиеся на его имя векселя,

он должен был уметь быстро обращать векселя в деньги. За соответствующее комиссионное вознаграждение (учетный процент) это обеспечивали ему ведущие «банкиры» крупных торговых центров. В 1846 г. на всей территории Пруссии в торговле деньгами было занято всего 1100 человек. Они были распилены по 442 банкирским домам. В большинстве случаев подобный «банкирский дом» состоял всего из двух человек — его хозяина и помогавшего ему работника. Во Франкфурте-на-Майне, крупнейшем в Германии центре денежного обращения, в 1855 г. насчитывалось не менее 109 частных «банкиров», хотя в городе была зарегистрирована всего 1131 фирма. Иначе говоря, каждая десятая фирма была частной меняльной конторой. Тогдашняя банковская система Германии была столь же мало пригодна для финансирования промышленности, как ножницы из маникюрного набора для ремонта паровоза.

Евреи держат в своих руках денежные сделки

С давних времен денежные сделки находятся в руках евреев. В средние века денежные операции оставались единственной сферой хозяйственной жизни, где им разрешалось свободно вести свои дела, так как цеха ремесленников преграждали им доступ в торговлю и к занятию ремеслами. И поскольку благочестивые немцы тогда еще не нарушали провозглашенный церковью канонический запрет на взимание процентов и не позволяли себе впутываться в предосудительное «ростовничество», множество умных и умелых еврейских менял устремилось в образовавшуюся на этом рынке брешь.

С засильем евреев в ремесле, предметом которого являются деньги, покончили Фугеры и Вельзеры, семейства крупных торговцев из Аугсбурга, которые поделили между собой весьма прибыльные ссудные опера-

ции с церковью, императором и королями. Но затем начался безудержный расцвет банковского дела, которым занимались только евреи, осуществлявшие денежные операции в Европе вплоть до середины прошлого столетия. Прототипом и не имеющим себе равных образцом для всех банкиров XIX в. был Мейер Амшел Ротшильд, основатель богатейшей и могущественнейшей финансовой династии из всех когда-либо существовавших до того времени на Земле.

Пика своего могущества Ротшильды достигли во времена Наполеона, когда сыновья Мейера Амшела роем вылетели из своего гнезда во Франкфурте-на-Майне и пооткрывали собственные банкирские дома в Лондоне, Париже, Вене и Неаполе. Слово гигантский паук, клан Ротшильдов, протягивал в ту пору свои золотые нити к важнейшим финансовым центрам Европы. Не было ни одного государственного займа, ни одного многомиллионного кредита, ни одного крупного международного проекта, на котором не заработал бы один из Ротшильдов. Все немецкие банкиры высокого уровня брали с них пример. Они подражали их стилю и нередко зарабатывали на крохах от крупных сделок самих Ротшильдов.

Многие частные банкирские конторы занимались в ту пору денежными операциями в качестве побочного промысла, ссуживая под проценты то, что зарабатывали от торговли товарами. Именно так, начиная с первого незаметного шага, с создания небольших меняльных лавок, некоторые из них сумели стать членами международной финансовой олигархии. К их числу принадлежали бывший посредник Ротшильда Герсон Бляйхредер в Берлине, семейства Париш, Гольдшмидт и Хайне в Гамбурге, фирмы Бетмана, Гонтарда и Нефвила во Франкфурте-на-Майне, банкирский дом Зелигмана в Мюнхене, И. Д. Херштатт, И. Х. Штайн и Абраам Шаафхаузен в Кельне.

Клан Оппенгеймов

Самым крупным финансовым кланом в низовье Рейна было семейство Оппенгеймов, которое в 1789 г. учредило в Бонне свой банкирский дом. Но уже через девять лет, когда прекратили гонения на евреев, они перенесли его в Кельн. Подобно своим кумирам Ротшильдам, они породнились с представи-

телями европейской промышленной и финансовой аристократии. Если основатель династии Соломон осуществлял свои сделки преимущественно как «придворный еврей» курфюрстов, то его одаренные сыновья Абраам, Симон и Дагоберт очень рано стали заниматься финансированием растущей промышленности на Рейне и в Рурской области.

Старший сын Абраам считался одним из умнейших банкиров своего времени. Одним из первых он понял, что одних средств даже столь крупных частных финансистов, как Ротшильды, далеко не достаточно для того, чтобы удовлетворить неумные потребности развивавшейся на западе Германии промышленности в капитале. Он был и тем, кто, невзирая на ожесточенное сопротивление Ротшильдов, способствовал усилению представлявшей смертельную опасность для собственной профессии конкуренции со стороны коммерческих банков, существовавших в форме акционерных обществ.

«Отличительной чертой торговцев деньгами еврейского происхождения, которая наряду с их широкими личными и семейными связями создавала им превосходство над конкурентами, была способность рассматривать конкретное дело со многих сторон. Типичным представителем подобного интеллектуального подхода к деловой жизни был младший брат Абраама Оппенгейма Дагоберт. Он изучал юриспруденцию и философию до того, как в 1841 г. основал известную Рейнскую газету, предшественницу уже упоминавшейся Новой Рейнской газеты, либеральную газету, которая при нахождении Карла Маркса на посту ее главного редактора составляла сильную оппозицию прусскому правительству вообще и по вопросу цензуры печати в особенности.

Какие мысли занимали тогда голову молодого 33-летнего капиталиста Оппенгейма, явствует из одного его письма, которое адресовал 4 июля 1842 г. своему главному редактору: «Дорогой Маркс! Благодарю за только что полученную от вас статью, которую я пролистал в полной спешке. Она превосходна, только я опасаюсь, что этот гнусный цензор опять пройдет по ней своим ножом...» Своими статьями, имевшими определенную социальную направленность, газета Оппенгейма способствовала созданию климата, подготовившего почву для мартовской ре-

волюции 1848 г. Разумеется, до самого восстановления газета не дожила, уже 1 апреля 1843 г. она была запрещена прусским министром цензуры.

Оппенгейм потерял 80% вложенного капитала и отныне был по горло сыт общими рассуждениями на политические темы. Старшие братья никогда не оказывали на него ни малейшего нажима и не пытались склонить его к вступлению в банковское дело. Но вскоре высокообразованный экс-издатель сам начал проявлять интерес к выпуску ценных бумаг и доходам с них. И когда 6 февраля 1844 г. открылось первое общее собрание Кельнско-Минденской железнодорожной компании, на нем неожиданно возникла эта доселе заблудшая овца семейства банкиров в качестве одного из пяти директоров правления.

Аутсайдер Дагоберт Оппенгейм, вернувшийся в истэблишмент, наряду с Густавом Мевиссенем становится одной из самых заметных финансовых фигур рейнских железных дорог, Кельнско-Дюссельдорфской паровой компании и многочисленных промышленных предприятий, таких, как «Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион». Клан Оппенгеймов, помимо удачливых банкиров выдвинувший из своих рядов также ученых и деятелей искусства, еще и сегодня владеет в ФРГ одним из наиболее авторитетных частных банков. Миллиардное состояние, вложенное в земельные участки деловых кварталов крупных городов, административные здания, супермаркеты и высокодоходные участия в промышленных предприятиях в ФРГ и за рубежом, делает Оппенгеймов одним из богатейших семейств современности, в то время как потомки Бляйхредера, Дайхмана, Дельбрюка, Мендельсона и многих других банкирских семейств периода грюндерства уже давно опустились на уровень предпринимателей средней руки.

Пруссия не желает признавать акционерные банки

Повальное разорение частных банкирских домов началось в период, когда управляемые наемными менеджерами акционерные банки, обладавшие постоянно расширявшейся сетью филиалов, начали концент-

рировать у себя сбережения «маленького человека», этим путем накопили у себя колоссальные массы капитала и захватили в свои руки наиболее выгодный для этой сферы вид сделок — кредитные операции. Однако потребовалось необычайно много времени, чтобы эта новая форма банковского дела смогла утвердиться в Германии. Причиной тому было, во-первых, ожесточенное сопротивление некоронованных денежных королей, в первую очередь Ротшильдов, и, во-вторых, архиреакционная финансовая политика прусского правительства.

Либеральный Рейнланд, столь бурно развивавшийся в период грюндерства, всегда казался подозрительным берлинским бюрократам из финансового ведомства. Они стояли на стороне остэльбских землевладельцев и постоянно опасались ошутимого перевеса «индустриальных сил». Их предводителем был государственный министр Кристиан фон Ротер, ставший в 1837 г. главой Прусского банка, который, по его мнению, совместно с Королевским обществом морской торговли был призван осуществлять в Пруссии контроль над крупным капиталом. С частными банкирами после создания государственного банка было навсегда покончено. И это независимо от того, как их звали: Ротшильдами или Оппенгеймами. Но крупные анонимные акционерные банки могли стать финансовой силой, на которую прусское государство больше уже не могло оказывать никакого влияния. Поэтому необходимо было всячески препятствовать их деятельности. Наверняка Ротер не понимал тогда, что тем самым он тормозил рост промышленности и не раз ставил таких грюндеров, как Крупп, Ханиэль и Майер, на грань разорения.

Шаафхаузен терпит крах

Положение многих предприятий, учрежденных в 1848 г., было критическим. В делах царил застой, ощущалась нехватка денег, армия безработных росла. В Восточной Пруссии и Верхней Силезии уже на протяжении года люди страдали от голода. В Берлине, например, паровозостроительная фабрика Борзига вынуждена была в марте уволить 400 рабочих. Не намного лучше было положение в Рейнланде. Самый крупный банкирский дом в Кельне, принадлежавший Абрааму Шаафхаузену, находился на грани разоре-

ния. В надежде на высокую конъюнктуру глава банка коммерции советник Дайхман предоставил чересчур большие кредиты пионерам промышленности, в том числе и Альфреду Круппу.

Клиентами банка были 170 фабрик, численность рабочих на которых составляла 40 тыс. человек, а оборот достигал 50 млн. талеров. Если бы банк перестал функционировать, в Рейнской провинции возник бы хозяйственный хаос. Это было ясно в равной степени и магистрату Кельна и Министерству финансов в Берлине. В то время в этом министерстве работал крупный торговец Давид Ханземан, родившийся в Финкенвердере под Гамбургом и наживший себе деньги и репутацию как торговец шерсти в Аахене. Прусский король назначил его на должность как человека, выручившего монарха из невзгод, возникших после кровавого подавления народного восстания 29 марта 1848 г.

К нему обратился магистрат Кельна, когда банк Шаафхаузена объявил о своей неплатежеспособности. Как значилось в письме из Кельна, «это событие, если оно не будет предотвращено, приведет к краху большого числа торговых домов и, что самое неприятное, приведет к прекращению работы на многих промышленных предприятиях в Рейнской провинции и Вестфалии. Вытекающие отсюда бедствия невозможно себе представить».

Либеральный министр, в круг советников которого входили протеже Оппенгейма Густав Мевиссен и рейнские предприниматели Лудольф Кампхаузен, фон дер Хайдт и Беккерат, видел в социальных беспорядках проблему, которую можно было решить в первую очередь с помощью денег. Уже в первые дни нахождения на должности он изъял из государственной казны Пруссии миллионы и направил их в сферу народнохозяйственного обращения. Но, будучи министром финансов, он, разумеется, не мог помочь кредитам выпутаться из беды частному банку, а именно таковым и был банк Шаафхаузена.

Кредитное общества Ханземана

Идея реорганизации Кельнского института, репутация которого была подмочена, в акционерное общество по французскому или бельгийскому образцу принадлежала,

по-видимому, Густаву Мевиссену, который продолжительное время знакомился в соседних странах с более развитой у них системой банковского дела. Но непосредственным создателем первого немецкого акционерного банка стал Давид Ханземан. Правда, он не мог еще считаться предшественником будущих крупных банков, поскольку еще всецело находился под влиянием государства. Владельцам привилегированных акций прусское государство гарантировало выплату дивидендов в размере 4% и получило за это право назначать директора института. Более того, назначенный комиссар мог в любое время проверить банковские книги и получить информацию обо всех текущих операциях. Хотя Ханземану удалось таким путем унять консервативно настроенных противников учреждения акционерного банка, прошло еще почти полгода, прежде чем 28 августа 1848 г. под давлением затяжного экономического кризиса король предоставил концессию на открытие нового банка. Первым директором кредитного общества стал советник Ханземана Густав Мевиссен, который очень быстро поднялся до уровня одного из влиятельнейших финансистов рейнско-вестфальского промышленного района. Но для Давида Ханземана учреждение банка явилось последним большим деянием на посту министра, потому что через 14 дней он, потеряв мужество продолжать оказывать сопротивление тактике сдерживания, которую проводили в жизнь его консервативные противники, отказался от своего поста. Впрочем, из-за этого его влияние едва ли уменьшилось, поскольку он возглавил руководство Прусским банком, крупнейшим финансовым учреждением в королевстве.

По своей природе Давид Ханземан был не чиновником, а грюндером. Политические интриги значили для него так же мало, как и пост чиновника, возглавлявшего чиновничью иерархию. Его противники, в том числе министр торговли и банкир фон дер Хайдт, выходец из Вупперталь-Эльберфельде, вскоре окончательно отбили у него охоту заниматься государственной службой. Летом 1851 г. он оставил свое бюро в Прусском банке, чтобы осуществить давно задуманный план — основать свое собственное кредитное учреждение совершенно нового типа.

Еще будучи банкиром на государственной службе, Ханземан увлекся новой формой банковского дела в лице «Уньон дю кредит», кредитного общества среднего сословия, в основу которого были положены принципы взаимности. А именно этого, как полагал Ханземан, и не хватало в Берлине. Но поскольку правительство отказалось предоставить концессию его «Берлинер кредит-гезельшафт», он вместе с одним из самых прожженных берлинских адвокатов до тех пор корпел над уставами различных обществ, пока не нашел такую форму, при использовании которой не требовалось получения разрешения от властей.

Необычное предприятие, которое открылось 15 октября 1851 г. в скромных помещениях дома №7 по улице. Ди-нойе-променаде, отныне называлось «Дирекцией дер дисконто-гезельшафт». По своей правовой форме оно являлось частным обществом, предоставлявшим своим членам вексельные кредиты в размере до 10 тыс. талеров. В действительности же банк Ханземана работал как акционерное общество, правда, с тем единственным ограничением, что оно станет – по крайней мере первоначально – заниматься банковскими операциями по дисконтированию векселей.

Собраны гигантские денежные суммы

Кредитное общество Ханземана начало функционировать, когда в его штатах было всего 11 постоянных служащих, а его клиентура насчитывала всего 236 членов. За 20 лет правления динамичного, плодовитого на идеи и ловкого на различного рода финты бывшего министра это финансовое учреждение, созданное для финансирования деятельности средних слоев, превратилось в один из крупнейших немецких коммерческих банков. Когда в 50-е годы установилась высокая конъюнктура, Ханземан вовремя изменил устав своего банка и постепенно вошел в дело по финансированию промышленности. Чтобы собрать столь необходимый капитал, он незамедлительно повысил величину максимального вступительного взноса для членов общества с 10 до 60 тыс. талеров. Затем он расширил круг компаньонов за счет обеспечения подписки на командитные пай на сумму более 10 млн.

талеров. Это было новшество в истории немецкого банка.

В итоге «Дисконто-гезельшафт» практически стало акционерным обществом, оставаясь, тем не менее, за рамками действия норм акционерного права (созданная Ханземаном правовая форма командитного товарищества на акциях существует, впрочем, еще и сегодня). Используя гигантскую массу средств, которые он собрал по новой методике у предпринимателей, ремесленников, врачей и торговцев, Ханземан активно участвовал в строительстве железных дорог, в выпуске крупных займов. В 1857 г. в число совладельцев банка Ханземан включил своего старшего сына Адольфа, который до того момента вел перешедшую к нему от отца торговлю шерстью и состоял членом семейного участия в суконной фабрике «В. Петере унд К» в Ойпене.

Через год «Дисконто-гезельшафт» переехало в новую представительную штаб-квартиру на Беренштрассе, которая находилась как раз между Прусским банком и банковским учреждением Бляйхредера. Примерно в то же время молодой и быстро растущий крупный банк Берлина начал скупать за собственные средства первоклассные горнодобывающие и промышленные предприятия, которые он ранее кредитовал и которые оказались в тяжелом положении во время экономического кризиса 1857 г. К числу этих предприятий относились «Хенрихсхютте» под Хаттингеном на реке Рур, угольная шахта «Геверкшафт ферайниггер президент» под Бохумом и горное предприятие по добыче свинцовой руды «Бляйальф» в Айфеле. Это были еще сравнительно небольшие по своим размерам приобретения. Но с появлением «Феникс-акциенгезельшафт фюр бергбау унд хюттенбетриб» страна получила одно из крупнейших предприятий горнодобывающей промышленности. После смерти отца, наступившей 4 августа 1864 г., Адольф Ханземан активизировал промышленную ориентацию банка, который теперь уже насчитывал 100 служащих. И когда после окончания франко-прусской войны начался грюндерский бум, его «Дисконто-гезельшафт» было всегда там, где имела возможность быстро заработать.

Беззастенчивое маневрирование биржевыми ценностями

В отличие от отца, проявлявшего заботу об общем благе, Адольф Ханземан снискал себе славу одного из главных инициаторов грюндерских мошенничеств, которую он заслужил благодаря агрессивному, а часто и просто беззастенчивому маневрированию биржевыми ценностями. Например, вместе с эссенским горнопромышленником Фридрихом Грилло он разработал один из самых рискованных промышленных проектов периода грюндерства — «Дортмундер унион акциенгезельшафт фюр бергбау, айзен-унд штальиндустри». Этот конгломерат, включавший в себя угольные шахты, сталелитейные предприятия, прокатные заводы и прочие обрабатывающие предприятия и насчитывавший в своем коллективе 12,4 тыс. человек, оказался в 1872 г. крупнейшим промышленным комплексом Германии, ведь на предприятиях Круппа в то же время работало только 10,6 тыс. человек.

Как бы хороша ни была идея объединить в гигантский концерн многочисленные мелкие горно-металлургические предприятия в Рурской области, тем не менее, она имела один решающий недостаток: выгодно приобретенные отдельные компоненты общества «Унион акциенгезельшафт», в том числе и «Дортмундер хютте», металлургический завод, принадлежавший оказавшемуся в тяжелой ситуации железнодорожному королю Бетелю Генри Штроусбергу, никак не стыковались между собой. Конечно, акционеры, доверявшие проспектам «Дисконто-гезельшафт», отпечатанным на шикарной бумаге, и приобретавшие его акции по чересчур завышенному курсу (170%), что достигалось за счет всевозможных уловок Грилло и Ханземана, не имели об этом никакого представления. А два года спустя акции существенно обесценились. Курс стоял на уровне 30%, дивиденды уже продолжительное время не выплачивались, а правление горно-металлургического концерна, начавшее дело с многочисленных посул, имело огромную задолженность. Только на этом искусном приеме банкир смог заработать более одного миллиона.

Больше, чем просто ловкий мошенник

Но, несмотря на всю свою беззастенчивость и безграничную жажду наживы, Грилло и Ханземан представляли собой нечто большее, чем просто ловких мошенников. У них были вполне корректные идеи, они обладали в достаточной степени фантазией, чтобы предвидеть будущее развитие промышленности Рура в направлении создания мощных вертикально интегрированных смешанных концернов. Но они не обладали ни дисциплиной, ни организационной и технической проницательностью Аугуста Тиссена, который через два десятилетия воплотил на практике то, что этим двоим только мерещилось.

В 60...70-х годах прошлого века Фридрих Грилло, без сомнения, был самым плодовитым на идеи и динамичным грюндером в рейнско-рурском районе. Сын торговца скобяными изделиями, родившийся в 1825 г., используя чужой капитал, скупил в кризисном 1857 г. по дешевке акции мелких каменноугольных шахт, разбросанных вокруг Эссена. Наделенный крепкими локтями и чутьем на нужную тактику, Грилло взял в свои руки управление предприятиями и реорганизовал их в более крупные и рентабельные хозяйственные единицы. По тому же образцу он через 10 лет приобрел шахтные поля в окрестностях Шальке-Гельзенкирхен и объединил их в крупную шахту «Консолидацион», ставшую в тогдашней Рурской области самым доходным предприятием по добыче каменного угля.

Примерно в то же время Грилло начал скупать в окрестностях Шальке заводы по производству проволоки и жести, металлургические предприятия и даже стекольные фабрики. Но лишь связь с Адольфом Ханземаном, имевшим прочную финансовую базу, сделала возможным его восхождение на трон бесспорного короля грюндеров в Руре. В дикие 1871...1873 гг. он в большой спешке учредил одну за другой шахты «Унзер Фриц», «Виктор», «Кениг Людвиг», а также «Эссенер бергверкфайн кениг Вильгельм». Но и это еще не все. Магнат приобрел также «Бергверкс-унд хюттен-акциенфайн Нойшоттланд», который располагал доменными печами и прокатными заводами в Хорсте и Хас-

лингхаузене. Последние поставляли в основном материалы для железных дорог.

Грилло принимает на службу молодого Кирдорфа

В 1873 г. вместе со своим партнером Адольфом Ханземаном Грилло купил у франко-бельгийской фирмы «Шарль Дестиллье» два весьма ценных и расположенных вблизи Гельзенкирхена угольных поля, позднее получивших название «Рейнэльбе» и «Альма». Оба грюндера реорганизовали новую покупку в акционерное общество «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ». Руководителем предприятия, на котором по договорам трудового найма работали 1580 горняков и добывалось 363 тыс. т каменного угля в год, они назначили молодого человека, которому исполнилось только что 24 года. Его звали Эмиль Кирдорф. Он был выходцем из Меттмана в Вестфалии. При найме на работу он мог предьявить лишь описание своей довольно испорченной профессиональной карьеры.

Отец Эмиля содержал небольшую ткацкую мастерскую, которую он и его брат Адольф должны были позднее унаследовать. Но еще до того, как было сделано это, отец умер, фирма разорилась, а братья были вынуждены стать служащими. Тем не менее ему удалось dorасти до директора более или менее крупной ткацкой фабрики. Затем он понял, что у этого ремесла нет будущего. Он уже решил эмигрировать, когда получил возможность занять пост в управленческом аппарате шахты «Голландия». Потом ему каким-то образом удалось обратить на себя внимание в ту пору всемогущего Фридриха Грилло. И тот без промедления доверил молодому и неопытному, но энергичному Кирдорфу управление одним из крупнейших угледобывающих предприятий Германии. Этот факт говорит о безошибочном инстинкте знатока людей Грилло, который сумел распознать твердый характер и настойчивость молодого Кирдорфа, ставшего вскоре могущественнейшим угольным магнатом Германии и политическим деятелем махрово реакционного толка.

В 1888 г. его хозяин Фридрих Грилло, который постоянно высокомерно обращался с ним как со служащим, умер от умопомешательства. В это время Кирдорф сумел превра-

тить «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» в крупнейшего в стране поставщика угля. Однако самым важным достижением Кирдорфа было основание им в 1893 г. «Рейниш-вестфалишес колесиндикат», который установил господство на немецком рынке энергетического сырья и представлял собой самое мощное в Европе промышленное объединение.

Карандаши запрещены из чувства патриотизма

В своих политических взглядах Кирдорф оказался еще более радикальным, чем в стремлении к экономическому могуществу. В качестве рупора рурских магнатов он стал наиболее последовательным защитником политики канонеров, проводившейся императором Вильгельмом, фанатичным представителем германского шовинизма и ненависти к социалистам. Его патриотизм заходил настолько далеко, что в один прекрасный день он запретил использовать на предприятиях «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» карандаши фирмы «Фабер» из Нюрнберга только потому, что на них слово «произведено» было написано по-английски.

В письме Кирдорфа, содержавшем жалобу на фабрикантов карандашей из Нюрнберга, говорилось: «Еще раз в качестве символа низменных мыслей было публично продемонстрировано, как кто-то из жажды наживы отрекается от своей немецкой национальности. Как следует это назвать, если старая немецкая фирма с мировым именем проявляет безвкусицу, ставя на товар, сбываемый в Германии, обозначение на английском языке? Испытываете ли вы какие-либо чувства к подобному унижению?»

Твердому как сталь угольному королю чересчур вялой стала казаться, наконец, и сама политика молодцеватого императора Вильгельма II. Он так и не простил ему увольнение Бисмарка, идола Кирдорфа. Последний, всю свою жизнь бывший наемным менеджером, а не грюндером в собственном смысле этого слова, держался более решительно и даже более враждебно по отношению к рабочим, чем большинство собственников. Но Кирдорф намного полнее, чем они, олицетворял тенденцию своего времени, которая применительно к Руру проявлялась в создании все более крупных производ-

ственных единиц, синдикатов и картелей. Наиболее могущественным противником Кирдорфа, превосходившим его во многих отношениях, был стальной магнат Аугуст Тиссен, который не пожелал подчиниться диктату угольного синдиката Кирдорфа в области цен. Сам Тиссен воздерживался от любой политической деятельности. Кирдорф, напротив, возглавив столь губительный для германской политики Пангерманский союз, во время первой мировой войны ратовал за безусловное использование в ней подводных лодок, а в оправдание злополучного для Германии ее исхода умышленно использовал тезис об «ударе ножом в спину», которым позже столь успешно пользовался его новый идол Адольф Гитлер.

Связующее звено между Бисмарком и Гитлером

Только после смерти в 1903 г. Адольфа Ханземана Кирдорф стал безраздельным единоличным хозяином «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ». При жизни банкир всегда давал ему почувствовать, что только ему самому, а не наемному директору принадлежит право принятия решений. Кирдорф на 35 лет пережил своего шефа, и, когда он умер летом 1938 г., речь на его могиле произнес Гитлер. На монументальном надгробном памятнике начертаны слова Моммзена: «Неустанно копить гнев — последняя надежда истерзанной нации».

Эмиль Кирдорф, который охотнее всего унимал бы бастовавших рабочих с помощью ружей и пушек, уже в силу своего библейского возраста стал связующим звеном между эрой Бисмарка и эрой Гитлера. Будучи радикально настроенным, как никто другой из русских магнатов, он олицетворял собой манию величия, национализм и стремление империализма к власти, которое привело Германию к двум войнам. При этом, как нарочно, людьми, заложившими в середине XIX в. финансовый фундамент создания германской тяжелой промышленности, выступали владевшие многими языками евреи, которые любили все английское или французское.

Свежий ветер из Парижа

В то время когда Давид Ханземан корпел в Берлине над разработкой устава своего «Дисконто-гезельшафт», в далеком Кельне двое его знакомых старались придумать аналогичную, правда менее сложную, структуру банка. Это были Абраам Оппенгейм и Густав Мевиссен. Самый известный банкир Рейнланда и президент только что учрежденного банковского общества Шаафхаузена ясно понимали, что усилий одних только их банковских учреждений недостаточно, чтобы удовлетворить потребности в капитале промышленных предприятий, количество которых безостановочно росло. Чтобы фабричные трубы дымили, необходимо было создать новые, более эффективные центры накопления капитала.

Импульс для размышлений Абраама Оппенгейма и Густава Мевиссена дало сообщение, которое первый из них получил из Парижа. Там сестра Абраама вышла замуж за очень богатого банкира Бенуа Фула. Свояк был участником нового и неслыханно смелого банковского предприятия, имевшего примечательное название «Сосьете женераль де креди мобилье». «Мобильный кредит» в рамках акционерного общества — ведь это было как раз то, в чем, по мнению господ банкиров из Кельна, срочно нуждалась германская экономика.

Французское предприятие обладало достаточной экономической мощью. Его основной капитал составлял 60 млн. франков, т.е. в десять раз больше резервов наиболее крупных кредитных учреждений Германии. Учредителями парижского акционерного банка были два брата-еврея португальского происхождения — Эмиль и Исаак Перрейре. Оба они были учениками экономиста графа Клода Анри де Сен-Симона, умершего в 1825 г. Сразу же братья обратили на себя внимание своими пронизательными публикациями в специальных журналах, в которых говорилось о необходимости предоставления промышленности свободных кредитов.

Банк братьев Перрейре

Одним из предпринимателей, находивших их соображения весьма разумными, был Джеймс де Ротшильд, глава парижского отделения всемирно известного банкирского до-

ма. В 1835 г. состоялся первый деловой контакт братьев Перрейре с банком Ротшильда.

Именно тогда они получили разрешение на строительство железной дороги Париж – Сен-Жермен. Банкирский дом предоставил необходимый капитал, а братья занялись строительством и эксплуатацией первой во Франции железной дороги для перевозки грузов. В последующем Перрейре стали советниками и посредниками Ротшильда по всем проектам строительства железных дорог.

Разрыв между самым богатым человеком Франции и его по-настоящему умными партнерами произошел в декабре 1851 г., когда Луи Наполеон инсценировал свой государственный переворот. Перрейре стояли на стороне будущего императора Наполеона III, Ротшильд выступал решительно против. Так разошлись их пути, и оба деятельных португальца объединились с соперником Ротшильда Фулом, в банк которого с давних пор вкладывали капитал и Оппенгеймы.

Совместно они разработали план по накоплению сбережений французской буржуазии и созданию на их основе таких финансовых резервов, с помощью которых они могли осуществить свои честолюбивые проекты в промышленности. При этом отважных грюндеров не особенно смущало то обстоятельство, что этим они нарушали фундаментальный принцип банковского дела, а именно никогда не финансировать реализацию долгосрочных проектов за счет краткосрочных вложений денежных средств. При этом они исходили из того, что в банк постоянно поступало денег больше, чем они собирались ссуживать.

И действительно, уже в первые недели своего существования «Креди мобилъе», основанный в 1852 г. с благословения Наполеона, совершил удивительный взлет. Весьма умно поступили учредители, когда привлекли к участию всю финансовую олигархию Франции, за исключением, разумеется, Ротшильдов. И деньги потекли в кассы банка. Уже на следующий год после своего учреждения первый в Европе акционерный банк смог получить 5 млн. франков прибыли. И лишь позднее, когда во Франции также наметился спад конъюнктуры, выявились недостатки в структуре банка, односторонне, ориентированно-

го на экспансию. В 1867 г. это столь перспективно начавшее свою деятельность предприятие пережило крупнейшее в банковском мире Франции банкротство.

Отошли в Дармштадт

Конечно, Густав Мевиссен и Абраам Оппенгейм могли и не знать ничего об этом, когда обдумывали, как бы они могли повторить успех «Креди мобилъе» в Германии. Они понимали, что из-за решительного противодействия правительства основать акционерный банк в Пруссии было невозможно. Поэтому идеальным местом для такого банка им представлялся Франкфурт-на-Майне, который в соперничестве с Берлином хорошо зарекомендовал себя как германский центр финансирования. Но здесь заправляли Ротшильды, и не было никакого сомнения в том, что они всеми средствами стали бы бороться против появления столь опасного конкурента.

На этой стадии разработки проекта еще раз обнаружилась польза исключительно широких связей Оппенгеймов. Свояк Абраама Мориц фон Хабер еще перед революцией 1848 г. случайно запросил у великого герцога Гессена-Дармштадта принципиальное согласие на создание учетно-эмиссионного банка и получил его. Хаберы были старинным банкирским семейством, а отец фон Морица Саломон Хабер даже был возведен в положение придворного банкира великого герцога Бадена. Но в смутные времена мартовской революции почтенный банкирский дом «Хабер и сыновья» обанкротился.

Старый Саломон, все еще очень богатый, уехал в Париж и там неумоимо продолжал твердить, что в крахе его банка виноваты одни Ротшильды. И вот оказалось весьма кстати, что его сын Мориц все еще располагал предоставленной ему лицензией на учреждение акционерного банка в Дармштадте. Все это время она оставалась действительной. Однако свояк Абраам Оппенгейм и Густав Мевиссен продолжали искать новых союзников, прежде чем начать неизбежную борьбу с Ротшильдами. В учредительный комитет их дармштадского «Банк фюр хандель унд индустри», который они собирались открыть при финансовой поддержке французского банка «Креди мобилъе», вскоре вошел один из старейших и солиднейших банкир-

ских домов Франкфурта-на-Майне, принадлежавший братьям Бетман. Для придания внешнего блеска банку Оппенгейм и Мевиссен пригласили участвовать в нем принца Феликса фон Гогенлоэ, который возглавил почетный президиум предприятия.

Учреждается новый крупный банк

Подготовившись столь хорошо, грюнде-ры 12 апреля 1853 г. внесли первый крупный южно-германский банк в торговый реестр. Через пять дней Франкфуртер постайтунг сообщала, что «хорошо известный в торгово-политическом мире Густав Мевиссен» избран президентом, а банкир Абраам Оппенгейм из Кельна вице-президентом банка. Протесты Ротшильдов министру финансов Гессена ничего не дали. Самый крупный в Германии акционерный банк был создан. Его капитал составил внушительную сумму – 25 млн. гульденов. Он был разбит на 100 тыс. акций по 250 гульденов каждая. Большую часть этих акций предполагалось предлагать к продаже на биржах Берлина и Франкфурта-на-Майне.

Проблема теперь состояла только в том, чтобы умело разместить капитал. Нельзя было допустить, чтобы такие сильные противники, как Ротшильды, приобрели большинство акций и установили свое господство над банком. В последующие дни банкирский дом Бетмана во Франкфурте-на-Майне был буквально «затоплен» заказами на приобретение акций дармштадтского банка. Но Абраам Оппенгейм, проявляя мудрую предосторожность, выделил франкфуртским коллегам лишь весьма скудную часть акций нового банка. Большинство их он продал дружественным банкирским домам Парижа и Берлина.

Позднейшая ревизия показала, что Бетману поступило заказов на 106 млн. гульденов. Тем самым только в самом Франкфурте-на-Майне стоимость заказов в четыре раза превысила стоимость акционерного капитала банка. По поводу продаж акций даже возник спор между братьями Оппенгейм. Симон предоставил возможность братьям Перрейре вытянуть у себя большое количество акций по слишком низкому курсу. Даже Мевиссен был разозлен «глупостью» брата Оппенгейма, который в этой сделке мог бы достичь, по его мнению, более высоких цен.

Ротшильды защищаются

Однако очень скоро учредители банка были вынуждены признать, что они недооценили своих противников. Неожиданно курс их акций стал непрерывно понижаться. Было совершенно ясно, что Ротшильдам посчастливилось каким-то образом заполучить в свои руки крупный пакет акций дармштадтского банка. Они молниеносно выбросили их все на рынок, чтобы попытаться лишить мужества остальных акционеров. Оппенгеймы оказались вынужденными израсходовать значительные средства для поддержания курса своих акций. С возмущением писал Абраам из Парижа Паулю Мевиссену, что Ротшильд «пускает в ход все, чтобы нанести ущерб предприятию и понизить курс акций».

Между тем посланник Пруссии при Национальном собрании Отто фон Бисмарк внимательно наблюдал во Франкфурте-на-Майне за всеми перипетиями учреждения банка и в секретных депешах докладывал о них в Берлин. Особую озабоченность будущего имперского канцлера вызывало прежде всего то обстоятельство, что французский капитал, недвусмысленно стоявший на службе режима Наполеона III, нашел здесь доступ к ключевой позиции германской экономики.

Обстоятельством, которое делало деятельность этого крупного банка нового стиля непредсказуемой для консервативных политических деятелей, было ведение им практически всех денежных операций, которые в тот период были вообще известны. В соответствии с положениями устава банк мог приобретать или выпускать «государственные, коммунальные и местные ценные бумаги, акции и облигации анонимных обществ, в особенности акции и облигации промышленных предприятий и кредитных учреждений», а также продавать, обменивать или закладывать все эти бумаги. Ему разрешалось «полностью или частично осуществлять за свой счет выпуск займов или проводить публичные мероприятия, переуступать или реализовывать это право, а также участвовать в принятии этого права на себя... и пускать в обращение долговые обязательства до истечения срока их принятия на себя или участия в них».

В Пруссии все идет не так быстро

В Дармштадте был создан банк нового типа. Он явился прообразом универсальных банков будущего, которым германская экономика в значительной степени обязана своим мировым признанием. «Банк фюр хандель унд индустри» положил лишь начало, а дальше все пошло своим чередом. Ротшильды, которые вначале выдавали предприятие в Дармштадте за «весьма опасное учреждение, созданное для того, чтобы всячески оживлять самые разнузданные спекуляции, стимулировать вексельные операции и поддерживать и активизировать манипуляции с биржевыми ценностями», позднее и сами основали акционерный банк — «Франкфуртер банк», существующий еще поныне.

Почти во всех европейских странах один за другим возникали кредитные банки подобного типа. И только в Пруссии все шло не так быстро. Лишь в 70-х годах сформировались здесь банки четырех «Д»: «Дармштедтер банк», «Дойче банк», «Дрезднер банк» и «Дисконто-гезельшафт». Они стали господствующей финансовой силой в империи и постепенно оттеснили на задний план частные банки Оппенгеймов, Бляйхредера или даже Карла Фюрстенберга. Как сильно расширилась торговля деньгами во второй половине XIX в., показывает простое сравнение. За 50 лет численность занятых в германских банках увеличилась с 1100 до 18 тыс. человек, т.е. в 15 раз. За тот же период население страны выросло менее чем на 50%.